

Владимир Алексеевич Солоухин
Соленое озеро

Download from <http://info.kaniv.tv>

Владимир Алексеевич Солоухин; Соленое озеро

Владимир Алексеевич Солоухин (1924-1997) Соленое озеро

Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы, и только теперь задача преодоления и подавления сопротивления окончена в своих главных чертах. Россия завоевана большевиками.

В. И. Ленин

Я не предал белое знамя...

А. Блок

– Говорят, ты собираешься написать книгу о Хакасии?

– Почему о Хакасии? О России...

Из телефонного разговора.

Историческая справка:

«По распоряжению Петра I поручик Мизгирев с отрядом казаков в 1714 году прибыл в Минусинский уезд для охраны Соленого озера. Вначале были построены казарма и караульное помещение с северной стороны озера, а затем, спустя несколько лет, заселили и основали поселок Форпост. С течением ряда лет поручик Мизгирев был переведен в полевые части, а затем в генеральный штаб, где служил длительное время. В возрасте 68 лет в звании генерала при уходе в отставку вернулся в станицу Форпост в свой дом, где и доживал последние годы своей жизни».

Скажем от себя, что поселок со временем превратился в казачье село, причем на равных правах существовали и первое название «Форпост», и более позднее название села – Соленоозерное, пока историческое это место не стало называться совхозом «Буденновским». Простенько и со вкусом. Скажем сразу же, что казаки (а позднее русские крестьяне-переселенцы) легко уживались и даже смешивались путем браков с коренным населением этих мест – с минусинскими (абаканскими) татарами, за которыми теперь узаконилось название хакасов.

Более того, один из современных хакасов в разгово-

ре со мной утверждал, что Петр I прислал отряд казаков по прошению местного населения, то есть хакасов (ну, может быть, богатых хакасов), которые видели, что соль, добываемая из озера, разворовывается.

Кстати, «Брокгауз и Эфрон»: «Минусинское или Степное озеро – Енисейской губернии, Минусинского округа, находится в западной части округа, на западном склоне Чулымских гор в 5 верстах от правого берега реки Большого Июса и с. Соленоозерск. (Видимо, ошибка. Есть река Черный Июс и Белый Июс. Следовательно, речь идет не о Большом Июсе, а о Белом Июсе, на котором действительно стоит село Соленоозерное.)

Тот же словарь о минусинских татарах, называемых ныне хакасами: «...тюркские племена, кочующие в Минусинском округе Енисейской губернии по обоим берегам Абакана, в углу образуемом с запада Кузнецкими горами, а с юга Саянским хребтом... занимаются скотоводством, земледелием и звероловством. Хотя все (они) христиане, но шаманы пользуются у них все еще большим уважением. Среди их поселений много каменных баб с монгольским типом... почитают их как своих предков, мажут им рот маслом и сметаной. По их представлениям на небе в большой юрте живет Бог, на земле летают духи огня, воды, горы и животных, а под землей живет черт Эрлик-хан, принимающий у себя шаманов и их последователей. При погребении

умершего, с ним кладутся жизненные припасы, узда, седло и аркан. Шаманы поют свои молитвы ямбическими стихами и через каждые четыре стиха бьют в бубен от четырех до шестнадцати раз: бубны снабжены рисунком, изображающим вселенную, разделенную тремя чертами, т. е. землю, надзвездный мир и преисподнюю... Много пословиц, толкований снов, загадок, сказок и легенд. Из сказок многие сходны с русскими».

Отрывок из сказки, то бишь из эпической поэмы «Алтын Чюс» (нечто вроде хакасской Илиады), которую мне в свое время посчастливилось изложить по-русски:

Это было, когда начиналось начало,
Когда наша мать-земля возникала.
Вершины, белея снегами, вздымались
И прочно стояли, и не колебались.
Ручьи водопадами ниспадали,
Ущелья и русла себе пробивали.
По гладким равнинам они разбегались,
В широкие реки они превращались.
Превращались они в полноводные реки.
Украшеньем земли становились навеки.
Среди черной земли создавая узоры,
По низким местам возникали озера.
Но черной недолго земля оставалась,
Повсюду трава из нее пробивалась.
Листвою зеленой и хвоей блистая,

Холмы одевала трава молодая.
Открылись для жизни широкие двери,
Цветами покрылись гранитные глыбы.
В тайге обитают различные звери.
В озерах и реках блаженствуют рыбы.
А степи привольные и зеленые
Стадами пасущимися заполнены.
Кони осторожные там пасутся,
Коровы там медленно бродят.
Овцы бесчисленные снуют,
Все они пищу себе находят.
А за просторами белого моря
Великое множество людей обитают.
Такое множество там народа,
Что даже жилья для всех не хватает.
Юрта юрты там боками касается,
Всю прибрежную землю они занимают,
Прохожие в тесноте толкаются,
Друг за друга одеждami задувают.
Локтями, боками или одеждami
Человек задевает за человека.
А посреди аала стоит белоснежная
Дворцовая юрта хана-бека.

Таково, значит, было представление древних хакасов об устройстве мира. По географическим понятиям это место называлось Минусинской впадиной со своим благоприятнейшим микроклиматом и плодородными землями (все же это Сибирь, а растут абрикосы,

и помидоры там вкуснее, чем где-либо), а по административному понятию это был Минусинский округ Енисейской губернии великой Российской Империи.

Населяли этот округ кроме переселенцев из европейской России, как уже знаем, минусинские татары, или, по-теперешнему, хакасы, красивый, свободолюбивый, трудолюбивый, своеобразный и, я бы сказал, яркий народ.

Кощунственно утверждать про небольшую народность, нацию, что ей повезло, если по крайней мере третью часть ее в ходе, как принято говорить, «становления советской власти» перестреляли, утопили в озерных прорубях, порубили шашками, ограбили, умурили голодом, растрясали как попало по окрестным землям, по белу свету.

Маленькое же везенье вот в чем. Нашелся в Минусинске богатый человек Мартьянов, который организовал, построил, оснастил экспонатами и подарил городу музей. Теперь его называли бы краеведческим, но тогда не было еще этого номенклатурного словечка, а был это просто – музей.

И нашелся энтузиаст, фотограф, фотограф-художник, который при помощи неуклюжего ящикоподобного фотоаппарата (камеры) и при помощи стеклянных пластинок-негативов перефотографировал почти всех хакасов. Его звали Федоров, а расстреляли его большевики в 1918 году, когда свое миссионерское дело он

уже сделал.

Пятьсот стеклянных пластинок-негативов, причем отличного качества, оставил он как наследство народу Хакасии. И все не простые, а групповые, семейные фотографии. Семья зажиточного хакаса, семья пастуха, семья купца, семья учителя, группа молодых хакасов, группа хакасок, хакаски в праздничных одеждах, хакаски в будничных одеждах, хакаски за приготовлением пищи... Пятьсот групповых либо семейных фотографий. В сущности это портрет целой нации, это, я бы сказал, эпопея, хакасиада, и хранится она в Минусинском музее и, по странности, до сих пор не издана в виде альбома либо альбомов.

С почти болезненным интересом вглядывался я в эти красивые, своеобразные, по-своему одухотворенные лица, зная уж теперь, что большинство этих людей было застрелено, зарублено, ограблено, уморено голодом, утоплено в прорубях Соленого либо Божьего Озера.

Поскучаем в пределах странички над конкретными цифровыми выкладками, относящимися к концу прошлого века, во всяком случае к периоду «До»...

«В отношении земледелия и скотоводства Минусинский округ занимает первое место в губернии и избытками своими снабжает Енисейскую губернию и ее золотые прииски. В 1891 году под пашнями, паром и разделками находилось 233.000 десятин, засевалось яро-

вой ржи 90.000 десятин, яровой пшеницы 60.000 десятин, овса 40.000 десятин. Затем шли озимая рожь, ячмень и греча. Покосов числилось 90.000 десятин. Собрано сена до 22 миллионов пудов. Хлеба собрано более 6 миллионов пудов. Огородничество довольно значительно – разводится много картофеля, капусты, лука, репы, огурцов, арбузов и дынь, которые сплавляются на плотах вниз по Енисею в Красноярск и Енисейск. Посевы льна и пеньки с каждым годом увеличиваются...

Скотоводство в цветущем состоянии... Лошадей числилось в 1895 г. до 186.500 голов, рогатого скота 102.460 голов, овец 350.000 штук, коз 11.120, свиней 26.340 штук. Коневодство развито в степных местностях, в особенности у инородцев и степных крестьян. Пчеловодство... до 18.000 ульев, дающих ежегодно до 2.500 пудов меда и до 500 пудов воску...

Рубка и сплав леса по Енисею, постройка барок, лодок, плотов составляют значительный промысел... Из мелких лесных промыслов смолокурение, выжигание угля, сбор коры для дубления кож, ореховый промысел, добывание листовенничной серы для жевания, столь распространенного среди женского населения сибиряков-старожилов и инородцев, занимают немало рук в притаежном населении... Кустарная промышленность ограничивается тканьем холста, плетением неводов и сетей, валянием войлоков и пим, шитьем ту-

лупов... Звероловством занимаются инородцы и русские притаежных местностей... Предметом охоты преимущественно служат сохатые, изюбри, косули, кабарги, белки, рыси, медведи и изредка соболи... В селениях немало маслобоен для выделки масла из льняного и конопляного семени, кедровых орехов, подсолнухов и горчицы... ремесленников в округе состояло 1700 человек, из них плотников 413, кузнецов и слесарей 351... Золота в округе с 1837 по 1895 год добыто 2.100 пудов... В округе несколько ярмарок: в с. Каратуз – с оборотом в 17.000 рублей (разумеется, не по ценам 1993 года. – В. С.), в Абаканске – с оборотом в 60.000 рублей, в с. Соленоозерном – с оборотом в 35.000 рублей...

...Переселенческое движение с каждым годом возрастает; в последнее десятилетие переселилось из Европейской России по крайней мере 20.000 человек. В последние годы прилив вольных переселенцев достигает с лишком 3.000 человек в год...»

Все эти скупые цифры (а их можно найти гораздо больше) относятся к самому концу прошлого века, к девяностым годам. Как раз в эти годы отбывал трехгодичную ссылку в этих местах, в Шушенском. В. И. Ульянов, получая на пропитание в неделю одного барана и 8 рублей деньгами при стоимости коровы 5 рублей.

«...Зимой они катались на коньках по замерзшей реке. Владимир был опытным конькобежцем, засунув ру-

ки в карманы, он быстро скользил по льду и угнаться за ним было невозможно. Крупская героически пыталась догнать его, но спотыкалась и отставала. Теща однажды попробовала стать на коньки, но упала на спину. Все трое любили белизну сибирской зимы, чистый морозный воздух, умиротворенную тишину заснеженных лесов. «Это было, как жизнь в волшебном королевстве», – вспоминала Крупская (из книги Роберта К. Мэсси «Николай и Александра»). Никто не мог предполагать, разумеется, что усилиями и злой сатанинской волей безобидного ссыльного «волшебное королевство» через какие-нибудь 20 лет превратится в кровавый ад, а шушенские мужики будут трижды отправлять ходяков в Москву к Крупской. Теперь спросим сами себя: от хорошей ли жизни таскались мужики в Москву (как если бы раньше к царю) или от полного отчаяния? И ответим сами себе: от отчаяния. Они могли таскаться к Крупской в 1918 году, когда их начали грабить продотряды, могли таскаться и в 1929 году, когда их начали раскулачивать и физически уничтожать, а оставшихся силком загонять в колхозы.

...Хакасия как тема подбиралась ко мне постепенно. Впервые я услышал это слово – Хакасия – от моего соученика по Литературному институту, от Михаила Еремеевича Кильчичакова. Но конечно, тогда он (да и до конца) оставался Михаилом Кильчичаковым, а еще проще – Мишей. Он умер в прошлом году. Поехал

на какой-то хакасский курорт («Горячий ключ»), принял какую-то там радоновую, слишком активную ванну, и ночью остановилось сердце. А сорок лет назад мы вместе учились в Литературном институте, только он шел двумя курсами помоложе.

У него было хорошее чувство юмора. Я рассказал ему про одного старого китайца, жившего в Казахстане. Как он сидел на базаре и торговал мелкой рыбешкой, наложенной кучками. – Почем рыбка?

Китаец смотрел умиленными слезящимися глазами и отвечал: – Севели, севели – пять рублей, не севели – три рубля. То есть, если живая и шевелится... либо снулая и не шевелится... Миша превратил это в нашу «приватную» шутку. Позвонив мне из Абакана (либо из гостиницы в Москве) и услышав мой голос, он неизменно вместо «алло», здравствуй, привет, как живешь и так далее, сразу спрашивал: – Севели, севели? – Шевелимся понемножку.

Из более серьезных «пересечений» с Мишей надо отметить три. Позвонили из Союза писателей:

– Требуется поездка в Монголию. Делегация из двух человек. Предлагаем поехать вам, а напарника выберите сами.

Я позвонил в Абакан:

– Севели, севели? Не хочешь слетать в Монголию?

Миша, конечно, захотел. Поездка как поездка, можно бы и не упоминать, но именно там, разговорившись,

я согласился переложить на русский язык эпическую хакасскую поэму «Алтын Чюс». Орывочек из нее мы уже проходили на первых страницах книги.

Минусинская котловина с трех сторон – запада, юга и востока – огорожена таежными горами, горной тайгой. А в этом огороженном пространстве – степные сопки. Пологие сопки, покрытые степным травостоем. Чем-то былинным, величественным веет от этих сопок. Вот уж воистину эпический, сказочный ландшафт. Это сродни тому, как изображен Виктором Михайловичем Васнецовым богатырь на коне, остановившийся перед камнем с надписью: «Направо поедешь – коня потеряешь, прямо поедешь – голову потеряешь...»

Сказочность усугубляется и тем, что многие сопки, продолговатые возвышенности, уставлены своеобразными многочисленными стелами. Нет, это не архитектурные, не скульптурные изображения в строгом смысле этого слова, но это и не вполне дикие камни. Дикие-то они дикие, но все же грубо (но и со вкусом, но и с замыслом) обработаны. Они сколоты так, чтобы выглядеть длинными (высокими) и заостренными. Поскольку они все разные, то описать их невозможно. Высотой до трех, а то и до пяти метров, неправильной (но заостренной) формы, они стоят среди степной травы по округлым либо продолговатым пологим возвышенностям и невообразимо украшают хакасские сопки, хакасскую степь. На гребнях возвышенностей они сто-

ят иногда рядом, иногда кругами. Они одновременно и дикие и смотрятся как произведение рук человеческих уже хотя бы потому, что поставлены человеком, поставлены в определенном порядке, а если и в беспорядке, то этот беспорядок все равно воспринимается как грандиозный замысел и – не будет слишком сказано – как единое грандиозное произведение искусства.

По хакасской легенде, здесь сражались богатыри. Они кидали друг в друга с возвышенности на возвышенность, с сопки на сопку эти продолговатые заостренные камни, камни втыкались в землю, да так вот и торчат до сих пор.

На самом же деле это древние могилы, захоронения. На некоторых этих «стелах» сохранились высеченные знаки, изображения, письмена...

Камни простояли века и века. Они свидетели, они своеобразная книга. Конечно, некоторые из них упали, некоторые увезены куда-нибудь, кем-нибудь, но то, что осталось, создает величественный, сказочный ландшафт, от которого веет тайной, который навевает глубокие чувства и светлые мысли. Это Хакасия.

И вот надо чтобы, не было никакой тайны, надо все раскопать и расковырять. Ну, как же, интересно. Могильники, захоронения, археология. Подобно тому, как ребенок ломает красивую игрушку, чтобы посмотреть: а что там внутри?

Ужасное впечатление производят раскопанные, рас-

ковырянные захоронения. Словно гигантские свиньи прошли по степным былинным холмам, все взрыли в поисках корма. Но результаты раскопок не обильны и не богаты. Скифского золота тут нет. Останки костей (покойников сжигали), да иногда черепки. Чаще всего бараньи косточки, ребрышки, несколько бляшек от сбруи.

...Показал мне Миша Кильчичаков былинные хакасские пологие сопки с каменными стелами, показал привольные степные волнистые равнины, раскуроченные в «целинные» времена, а потом поехали мы в тайгу. Какая же Хакасия без тайги? Какая же тайга без быстрой речки? Какая же таежная речка без хариуса?

Тут в тайге симпатичная была речка, затененная черемуховыми деревьями, светлая, в меру быстрая, но с заводинками, с тихими бочажками. У нас бы в похожей реке ловились бы пескарики (тоже, кто понимает, первоклассная рыбка), да голавлики, да ельцы. А тут, видишь ли – хариусы. Надо ли говорить, что по тому самому «закону подлости» ни одного хариуса мы не поймали. Но как это часто (если не всегда) бывает, хариусы откуда-то взялись. Должно быть Мишины друзья, что живут на пасеке... Ну, там... сеточку с вечера в нужном месте... перестраховались, а за ночь и натыкалось в сеть десятка два-полтора.

Я всегда считал, что хариус рыба сиговая (хотя никогда до тех пор не видел этой рыбы), но оказалось,

по-научному: «...семейство рыб, подотряд лососевидных». Ладно, пусть будет так. Серебристая, узкотелая, с розоватым нежным мясом, обитательница таежных сибирских рек. Хакасию и представить себе нельзя без хариуса. Его малосолили и держали бочками некогда в погребах, а теперь на балконах либо в гаражах, если немного, то и в холодильнике.

Уху мы варили на поляне возле белёсой скалы (выход горной породы). Я думал (слышал где-то, когда-то), что по таежным законам в ведро уха, уже в конце варки, суют горячую в красных угольках головешку. Зашипит – выбросят. А уха будет уже «с дымком», будет пахнуть таежным костром. И, говорят, хорошо пахнет! Но с нашей ухой такая процедура не годилась бы. Дело в том, что уха по-хакасски готовится со сметаной. Да, выливают в ведро кипящей ухи литровую (пол-литровую) банку сметаны и дают еще чуть-чуть покипеть. Редкий способ, а для меня редкостная находка. Дело в том, что вырос на супах, которые у нас назывались «белеными». Это в нашем крестьянском доме был самый повседневный рецепт моей матери Степаниды Ивановны. Не мясо же (особенно, если летом) варить. Да и где его взять? Курицу могли позволить себе зарезать одну-две в год. И вот – вегетарианский супчик. Картошка да морковка, без всякого мяса, пустовато. Но ложка сметаны в тарелку – и все меняется. Не надо ни мяса, никаких дополнений. Беленый суп. А тут беленой ока-

залась уха из хариусов! Никогда не ел такой вкусной ухи.

В пасечной избушке начали угомняться на ночлег. Больше всего я боялся комаров. Столько я наслушался про таежного гнуса, про мошку, про то, как комары облепляют лицо многослойно (и если проведешь ладонями по лицу, все ладони в крови), что приготовился к самому худшему. И вот – комаров не было! Обкурили чем-нибудь пасечники свою избушку, или впрямь эта самая «Минусинская котловина» – особенное климатическое место, но в июне, в самом, пожалуй, комарином месяце, комаров не было. Спали на нарах. Такое широкое. дощатое, пространство, прочное, не шаткое, не скрипучее. Что-то постлано, чем-то дали укрыться. Спать. Но сон после ухи и после того, что было перед ухой, не шел. Сначала вспоминали институтские годы. Потом Миша рассказал, как однажды он пригласил в Хакасию одну московскую писательницу, тоже из наших институтских, и тоже показывал ей таежную часть Хакасии и как они затерялись в тайге (не заплутались, а затерялись) на целую неделю. «Хорошая была неделя. – заключил Миша. – Подарок судьбы».

Постепенно разговор перешел от институтской темы вообще на литературу и не помню уж как перешел на Гайдара. Впрочем, это логично. Ведь «Гайдар» хакасское слово, и я, возможно, спросил, почему у Аркадия Петровича Голикова хакасский псевдоним.

– Говорят, – спросил я, – что это слово означает не то «всадник, едущий впереди», не то «смотрящий вперед». Правда, что ли? И слово это не то бурятское, не то монгольское? Правда, что ли?

И Миша вдруг в этих таежно-пасечных условиях заговорил откровенно. Сначала робко (аккуратный, сдержанный он человек, лишнего, бывало, ничего не скажет), а тут – откровенно. А может быть, одна откровенность (о московской писательнице) как бы открыла «клапан» откровенности вообще.

– «Гайдар». – не торопясь, как обычно, говорил Миша, – слово чисто хакасское. Только правильно оно звучит не «Гайдар», а «Хайдар»; и означает оно не «вперед идущий» и не «вперед-смотрящий», а просто «куда». – Ну и почему же Голиков взял себе в псевдонимы хакасское слово «куда»? – А его так хакасы называли. Кричали: «Прячьтесь! Бегите! Хайдар-Голик едет! Хайдар-Голик едет!» А прилепилось это словечко к нему потому, что он у всех спрашивал: «Хайдар?» То есть куда ехать? Он ведь других хакасских слов не знал. А искал он банду Соловьева. И самого Соловьева ему хотелось поймать. Его из Москвы специально прислали Соловьева ловить, а никто ему не говорил, где Соловьев прячется. Он подозревал, что хакасы знают, где Соловьев, знают, а не говорят. Вот он и спрашивал у каждого встречного и поперечного. «Хайдар?» Куда ехать? Где искать? А ему не говорили. Один раз

в бане запер шестнадцать человек хакасов. «Если кутру не скажете, где Соловьев, всех расстреляю». Не сказали. А может, и не знали, где Соловьев, тайга ведь большая. Утром он из бани по одному выпускал и каждого стрелял в затылок. Всех шестнадцать человек перестрелял. Своей рукой. А то еще, собрал население целого айла, ну, то есть целой деревни... Семьдесят шесть человек там было. Старухи и дети, все подряд. Выстроил их в одну шеренгу, поставил перед ними пулемет. «Не скажете, всех перекошу». Не сказали. Сел за пулемет и... всех... А то еще в Соленом озере, да в Божьем озере топил. В прорубь под лед запикивал. Тоже – многих. Тебе и сейчас эти озера покажут. Старожилы помнят...

– Да кто же такой Соловьев-то был?

– Банда соловьевская была. Значит, Соловьев – бандит.

– А почему не выдавали его? Боялись мести?

– Нет, своих он не трогал. У него в отряде... в банде то есть... девяносто процентов хакасов было, хоть сам он русский казак. Своих он не трогал... Даже песни про него сочиняли...

– Но если он своих не трогал, кого же он трогал?

– Тогда подразверстка был, хлеб у мужиков отбирали подчистую. Свозили в общественные амбары, на ссыпные пункты, увозили обозами. А он этот хлеб отбивал, оставлял на прокормление отряда... то есть...

банды. Остальное возвращал мужикам... Его три года ловили, даже Голикова прислали из Москвы. Но и он Соловьева не поймал, хоть и стал здесь Гайдаром.

Сон после ухи (и того, что перед ухой) сморил нас в конце концов, а утром мы к вечернему разговору уже не возвращались. Во-первых, почва, на которую упали Мишины семена, была, значит, не совсем готова, а во-вторых, Миша почувствовал, наверное, что сказал лишнее (ведь были еще не перестроечные, а всего лишь застойные времена).

Одним словом, оба мы сделали вид, что вчерашнего разговора не было. Во всяком случае, замысла во мне – все разузнать и рассказать людям – не вспыхнуло. Но... дрожжинка в сусло была уже брошена и процесс брожения возник. (А один мой приятель, художник, выражается в похожих случаях грубее, но, может быть, и точнее. О непривычной идее, которую надо привнести людям, он говорит так: «Важно человеку вошь в голову запустить. А потом она сама (идея) свое дело будет делать. То там зачесется, то там зачесется... И в конце концов человек поймет, как будто проснется».)

* * *

...На вольный, привольный, изобильный край (некоторые хозяйства имела до тысячи лошадей и до де-

сяти тысяч овец) вдруг обрушилось чудовищное насилие. Насилие и в большом, и в малом, насилие беспардонное, непререкаемое, неслыханное и невиданное ни в какие времена.

Об этих местах, то есть о Минусинской котловине, то есть о Хакасии, написан роман. Его написал Красноярский писатель Анатолий Чмыхало, и называется он «Отложенный выстрел». Поскольку главный герой романа и нашего очерка – одно и то же лицо, то я роман, естественно, прочитал и должен сказать, что его автор для семидесятых годов, когда роман писался, да со скидкой на отдаленность от московского, хотя бы некоторого «свободомыслия», довольно объективен и даже временами смел. Конечно, он не мог изменить советскую терминологию: «богатеи», «банда», «бандиты», равно как и официально-советскую оценку происходивших событий, но временами он поднимается все же почти что до объективности, то есть до правды.

В сценке насилия, которую я хочу тут из романа переписать, будет упомянут голод за Уралом, на Волге. Так вот, для не очень осведомленных читателей это требует пояснения. Подробнее (совсем подробно) об этом читайте в книге о В. И. Ленине «При свете дня», а сейчас, хотя бы – несколько необходимых слов, чтобы понять обстановку в стране того времени.

Большевикам, как явствует из ленинских слов, предпосланных эпиграфом к этой книге, удалось сравни-

тельно легко захватить власть в России. «Россия завоевана большевиками». Труднее было эту власть удержать. На этот счет Лениным была разработана чудовищная теория, сводившаяся к изъятию у населения всего хлеба, сосредоточению этого хлеба (и вообще всех продуктов) в своих руках и распределению этого потом по своему усмотрению и своим нормам. Вся страна была посажена на паек. В двух главных городах – Петрограде и Москве был инспирирован голод, чтобы под этим предлогом (борьба с голодом) отбирать хлеб у крестьян. Специальные заградотряды не пускали никого, кто пытался провезти хлеб в голодающие города. Все это называлось продовольственной политикой, а еще продразверсткой. Голод с людоедством и детоедством охватывал одну губернию за другой. Вот почему в отрывке из романа, который мы сейчас выпишем, как образчик беспардонного насилия упоминается голод за Уралом, на Волге.

«Прошла неделя, как Горохов (командир чоновского отряда, комбат. – В. С.) приехал в станицу Озерную, а он все не переставал удивляться здешним обычаям, а пуще того – отменному богатству казаков: бедняк имел здесь до десятка коней, по четыре-пять коров. Правда, по соседству с ним жила тетка Антонида, так у нее была всего одна коровенка, и ту, горемычную, не умела тетка обиходить: вовремя не кормила, не поила, ни разу не вынесла ей посыпанного отрубями и сдобренного

вареной картошкой пошла. А все потому, что с детства привыкла жить как придется, по чужим дворам...

Что же до хозяйств зажиточных, то такое богатство и не снилось состоятельным помещикам центральных губерний России. Один Автамон владел многими сотнями и тысячами голов всякого скота.

(Станица Озерная – это, очевидно, беллетризованное или обобщенное название станицы Соленоозерной, или Форпоста, в которой родился главный герой нашего повествования, где он, кстати сказать, и погиб. Но об этом позже.)

Удивляло Дмитрия и то, что в станице совсем не занимались хлебопашеством. Хлеб осенью выменивался на коней в окрестных селах: по пятнадцати пудов за голову... (Значит, в окрестных селах занимались хлебопашеством, и успешно. – В. С.)

Повелось это издавна, еще с тех пор, когда красноярские казаки, основавшие станицу в вольной степи, считали для себя зазорным пахать и сеять, их уделом была одна пограничная служба. И кони у казаков были как на подбор – рослые, выносливые, хоть под седлом, хоть в упряжке. Сколько существует станица, а ей уже за двести лет, столько и идет по Сибири слава о ее добрых скакунах и рысаках. Говорят, здешний богач Кобеков поразил иностранных послов в Питере тройкой тонконогих серых коней с лебедиными шеями, подаренной им царю. Уйму золота, бриллиантов и жем-

чуга давали послы Кобекову, чтобы заполучить таких же красавцев для своих президентов и государей, да у Кобекова у самого денег полно – не ради денег, а ради великих царских милостей ехал он в северную столицу».

И вот на это-то, как говорится, «благоденственное и мирное житие» свалились откуда ни возьмись большевики, комиссары с их продрозверсткой, беззастенчивыми грабежами, отрядами ЧОНа, с расстрелами на месте без следствия и суда.

«– Короче, берем. Ежели бык, так это сорок пудов мяса, понимаешь? – раздельно, словно взвешивая каждое слово, проговорил он.

Дмитрий все понимал: это была каждодневная работа председателя. Из волости мчались срочные запросы на продукты, нужно было с грехом пополам, со скандалом собирать по дворам мясо, хлеб (и не покупать ведь, а просто отбирать. – В. С.), искать подводки и отправлять обозы то в Ачинск, то в Красноярск. А тут еще иждивенцем сел на шею немалый отряд Горохова (ЧОН), который есть хотел досыта каждый день.

– Брать надо, – солидно подытожил Григорий. – А то кака советская власть? А никака.

...Автамон был из тех, кто во всем и любыми средствами пытаются утвердить на земле свою правду... Проздрозверстка сперва привела Автамона в замешательство. Свои же станичные прямиком шли в его ста-

да, без спроса считали скот. Заглядывали в амбары – искали солонину и шерсть, забирали овчины и конские шкуры...

...– Теперь, однако, показывай быка, – нетерпеливо запереступал ногами Григорий. У Автамона отвалилась челюсть. Бык был источником и в то же время живым символом его могущества в станице, отнять быка – значило отнять уважение у станичников. Это был удар, нацеленный в самое сердце, что прекрасно понимал не только он, а и те, кто пришел к нему.

– Само собой, мясо можно взять с тебя и овцами, – щадя самолюбие Автамона, сказал Григорий. – Но что за овцы теперь, об эту пору? Худоба одна, кожа да кости. Овцу осенью брать надо. А отчего же бык не в стаде?

– Ногу сбил.

– Прирезать – и точка! – взмахнул кулаком Григорий».

Невольно возникает вопрос: а по какому праву приходили вот так вооруженные люди на любой двор, в любой дом и творили насилие? Никаких ни прав, ни правил тут не было. Вспомним Ленина: «Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Ленин же придумал, как бы для апелляции к обще-

ственному мнению и как бы для оправдания этого насилия и – следовательно – для самооправдания, наклеивание ярлыков как на отдельных людей, так и на целые группы, на целые слои населения.

Скажи «священник» – стрелять вроде бы не за что, а скажи «реакционный священник», «поп-черносотенец», и поп – готов. Одно дело – офицер, офицер русской армии, а другое дело – белогвардеец. Одно дело – богатый, зажиточный крестьянин, а другое дело – кулак, кулачество. Одно дело – просто богатый человек (или хозяйство в целом), а другое дело – богатей.

В сибирских селах (я очень этим интересовался), да и вообще в российских селах на каждые сто домов приходилось 3-5 бедных хозяйств, вроде этой бедолаги тетки Антонида, которая не умела обиходить одну-единственную коровенку. Достоверно известно из разных путеводителей, что в богатом (то есть нормальном) сибирском селе Шушенском на 267 дворов насчитывались (цитируем путеводитель) «33 двора, хозяева которых вынуждены были работать по найму у своих более зажиточных односельчан». А ведь Шушенское находится именно вблизи Минусинска, о котором у нас идет речь. Как потом прояснилось (а теперь уж окончательно), политика большевиков, захвативших Россию, была направлена не на то, чтобы эти 33 бедных хозяйства поднять до уровня большинства, а чтобы большинство разорить и низвести до уровня

этих бедняцких хозяйств. Фактически дело велось к разорению. Обнищанию деревни, а через это к принудительному, почти бесплатному труду и в конце концов к «раскрестьяниванию» России, что теперь и произошло.

Придумали слова «богатеи» и «кулак». Хотя во все времена у нормальных людей (народов) богатство должно считаться хорошим признаком. Все должны стремиться к богатству. Если это, конечно, не грабеж, не разбой на большой дороге, не махание кистенем в темном лесу. Но ведь и уже знакомый нам Автамон, сумевший разбогатеть и создать многосотенные табуны, стада и отары, он же не отнимал этот скот у своих сельчан. Вероятно, держал пастухов и платил им за эту работу (как впоследствии советская власть держала в колхозах доярок, механизаторов, свинок, вообще всех сельскохозяйственных рабочих, платя им ничтожную зарплату по своему усмотрению. В батраков было превращено все российское крестьянство. В государственных батраков, но от этого батракам не легче). Кстати, отец Ивана Николаевича Соловьева, к которому постепенно, вроде дымящегося бикфордова шнура, подбирается наше повествование, да, отец Ивана Николаевича, казак из села Соленоозерного, был пастухом, пас чужой скот. Ведь надо же случиться такому казусу: во главе повстанческого отряда оказался не богатеи, не бай, не кулак-миродед, а сын пастуха. Ну, прав-

да, тоже – казак и хорунжий (младший офицер русской армии), и в отряде у него было до 90 процентов бедняков, мало того – инородцев, то есть хакасов. И даже начальником контрразведки отряда был хакас Астанаев. Обращаемся опять к роману Чмыхало. «Зимовка прошла трудно даже для привыкших жить в голоде и холоде бедняков, составлявших костяк банды. В феврале кончились скудные запасы муки и конины, ели конские шкуры и ремни, варили вонючие копыта. Охотиться Соловьев запрещал, чтобы не обнаружить расположение отряда (наконец-то «отряда», не банды. – В. С.) ни следом, ни выстрелом...

...К началу лета банда (не надолго появилось словечко «отряд». – В. С.) уже заявила о себе несколькими дерзкими налетами на маленькие подтаежные деревушки. Разогнав жидкие, плохо вооруженные отряды, бандиты сбивали замки с общественных амбаров (то есть с амбаров, где лежал хлеб, отнятый у крестьян продотрядами. – В. С.), грабили маслозаводы (конечно же, не принадлежавшие крестьянам и работавшие на молоке, отнятом у крестьян. – В. С.) и кооперативные лавки...

...Банда снова стала численно расти, пухнуть, как тесто на дрожжах поднялось, за счет многочисленной рудничной бедноты. Некоторые приходили к Соловьеву с женами, с детьми, порывая таким образом всякие связи со своим прежним домом. Радовались куску чер-

ного хлеба, обещали служить честно, себя не жалеть». Продразверстка, вообще большевистское насилие чугунным бездушным катком прокатилось по всей стране, по всем деревням и селам, унося миллионы жизней, особенно детских, и повсюду это насилие вызывало противодействие. Повсюду вспыхивали восстания, ибо не хватало уж никакого терпений, повсюду этих повстанцев называли бандитами, а отряды бандами, повсюду этих повстанцев беспощадно уничтожали вместе с женщинами и детьми.

Масштабы сопротивления были разные. Ленин в своих людоедских приказах упоминает восстание в пяти пензенских волостях. Тамбовское восстание 1920-1921 годов охватило огромное пространство, и в нем под руководством Александра Степановича Антонова, истинного русского героя, участвовало до двухсот тысяч крестьян. И была брошена на голодных, обезумевших от голода и всяческого насилия мужиков регулярная армия во главе с Тухачевским. Километрах в восьми от нашего села (к вопросу о масштабах сопротивления) была деревенька Черная Гора. Там тоже взбунтовались мужики, но пришел отряд латышей, застрелили несколько человек, и стало тихо.

Владимир Галактионович Короленко, правдоискатель, правдолюбец, либерал, демократ (отбыл ссылку в Якутии во времена царского правительства), однако, не встал на сторону большевиков, а встал на сторону

истязаемого народа. 13 ноября 1918 года он записал в своем дневнике (в Полтаве): «То, что большевизм преследует так ожесточенно независимое слово – глубоко знаменательно и симптоматично... Он говорит: только тот, кто прославит меня, имеет право на существование. Подчинитесь или погибнете».

Не покорились Краснов, Деникин, Дроздовский, Врангель, каппелевцы, Колчак... Не покорились те русские офицеры и рядовые чины Добровольческой армии, Белой Гвардии, которые дрались с подневольно мобилизованной и парализованной страхом перед чоновцами, перед немедленными расстрелами, перед заградотрядами за спиной, перед жуткой системой заложничества Красной Армией, руководимой беспощадными комиссарами.

Не будем разбирать причин, почему победила Красная, а не Белая армия (такую попытку я сделал в книге «При свете дня»), но формула «подчинитесь или погибнете» осуществилась и здесь.

И вот, когда все уже затихло, оцепенело и омертвело, когда остатки врангелевской армии ушли за границу, а оставшиеся в Крыму были (около семидесяти тысяч) расстреляны или утоплены в Черном море с камнями, привязанными к ногам, когда армия Колчака откатилась на Дальний Восток, а оттуда (кто успел или кто хотел) вместе с тысячами гражданских беженцев тоже ушли в Китай, когда окончилась, короче говоря,

гражданская война, один казак, хорунжий (унтер-офицер) из колчаковской армии, оказался непокорившимся. Его фигура привлекает к себе внимание, исполненное почти болезненного интереса, потому что на территории всей необъятной России это был фактически последний вооруженный очаг сопротивления бандитам, захватившим страну, и конечно, тотчас же объявившим бандитами непокорившегося унтер-офицера и казака, а также его отряд.

Действиям повстанческого отряда способствовали тайга, горы (таежные горы), отдаленность Минусинской котловины от больших городов (а тем более от центра страны), симпатии к повстанцам местного населения, коренного, «инородцев», хакасов, но, конечно, и личные качества человека, возглавившего отряд. Этот отряд он назвал именем Великого Князя, брата царя Михаила Александровича. На знамени он написал «За Веру, Царя и Отечество», ввел погоны, установил дисциплину.

Насилие, свалившееся на людей, было столь жестоким и, я бы сказал, тупым, что люди сопротивлялись ему как могли. Повстанческие отряды возникали повсюду на юге Енисейской губернии. Не исключено, что некоторые отряды (по 5-8-10 человек) действительно не прочь были погреть руки на всеобщем бедствии и пограбить. Называют атаманов Емандыкова, Кульбиштейна, Родионова, братьев Кулаковых...

Но поскольку отряд Соловьева был самым крупным и популярным, то многие проделки мелких отрядов (в том числе и грабеж, и убийства) власти торопились приписать Соловьеву, в то время как ни бессмысленными убийствами, ни грабежом крестьян Соловьев не занимался. У него было настоящее, дисциплинированное войско, небольшое, конечно, однако достигавшее временами до 600, до 1000 человек.

Когда я листал архивы, на глаза мне попался приказ, от которого повеяло такой беспредельной тоской...

«ПРИКАЗ

по Ачинско-Минусинскому боевому району

РСФСР свободно и торжественно празднует Всемирный пролетарский праздник 1 мая. Всем воинским частям, в том числе милицейскому составу к 12 часам построиться у братской могилы.

Всем совучреждениям и организациям к 12 часам со знаменами и плакатами прибыть к могиле, где и построиться по указанию нач. гарнизона т. Зубанова.

В 12 часов открывается митинг о значении праздника. Выступают докладчики, намеченные Волостным Комитетом Партии. По окончании устраивается демонстрация (шествие) по улицам села Ужур. Вечером будет поставлен спектакль местными силами.

Начальник боевого района ПУДЧЕНКО»

Хоть сейчас беги в отряд к Соловьеву! По соседству с этим приказом можно было прочитать и другие.

«...Несмотря на все указанное, местное население продолжает относиться к ликвидации бандитизма и изъятию негодного элемента, творящих свое подлое дело... Необходимо ликвидировать бандитизм, необходимо изъять весь негодный элемент, ставящий преграды в мирном труде и нарушающий спокойствие мирной жизни... весь успех зависит от самих крестьян, от самого населения... Чем больше они будут оказывать помощь и содействовать отрядам в отношении подачи сведений о бандах и их движении, чем скорее эти сведения будут подаваться в действующие отряды и штабы, чем больше препятствий будет ставить население бандитам, тем скорее и вернее будет уничтожен бандитизм и изъят весь негодный элемент. – Для более успешной и скорейшей ликвидации бандитизма и негодного элемента приказываю: всем вооруженным гражданам, вплоть до отдельных милиционеров, принять активные действия, работая совместно с действующими отрядами, не щадя ни своих сил, ни самой жизни, проявив к этому всю энергию и все свои способности.

Всем сельсоветам, волисполкомам, милиции взять на строгий учет подозрительный элемент, списки на таковой представить в оперштаб Ачинского района, а также дать сведения на тех, кто из числа граждан того или другого села, деревни, улуса ушел в банду».

Из протокола заседания Совета ЧОН. Говорит т. Пакал.

«Соловьев имеет симпатию от населения, так как все население видит, что Соловьев выдается за военного гения... мы упустили очень многое и дали этим завоевать симпатии от населения».

«Копьево.

Комэскадрона ШУМОВУ

Сообщаю для сведения, что в 7 часов вечера 26 июля банда под командованием Соловьева ограбила почтово-телеграфное отделение Горелка. Сломаны два аппарата, взято две винтовки, которые поломаны на дворе, взята вся секретная переписка, шифры, весы, канцпринадлежности, деньги, марки, срублен мачтовый столб. На берегу реки Чулым порублены провода. Связь с Минусинском потеряна. Из Минусинска через Батино и Горелку сего числа следует почта. Возможно попадет в руки бандитов. Необходимо принять возможные меры к охранению почты».

«Хакасского уезда

Улус Чарново 1 апреля 1924 г.

Делопроизводство ВИКА сожжено, сотрудники ограблены, население в панике. В пределах волости разгуливает банда Соловьева. По сведениям банда намерена снова посетить ВИК. Работать невозможно Вторично просим о помощи, иначе будем вынуждены разбежаться кто куда».

Выразительная картинка.

Надо сказать, что в абаканском архиве ко мне от-

неслись по-хорошему. Я сказал им, что меня интересует Иван Николаевич Соловьев и все, что с ним связано. Они, посоветовавшись (тут же при мне, вслух), пришли к согласию, что все связанное с Соловьевым должно проходить по ЧОНу. Принесли мне несколько папок, выбранных наудачу, и я впервые понял, что такое провинциальный архив двадцатых годов. А главное, я понял, что воспользоваться этим архивом не смогу, а если проявить упорство, то нужно оставаться в Абакане по крайней мере на месяц. Донесения, приказы, разные сведения были напечатаны на разрозненных бумажках слепым шрифтом (причем сторока налезала на строку), с пропуском букв, а то и целых слов. А записаны эти бумажки полуграмотными людьми, не имеющими малейшего представления не только об орфографии, но и грамматическом согласовании слов и фраз. Часа полтора-два я ломал глаза на этих слепых неудобочитаемых текстах и пришёл в полное отчаяние. Единственное впечатление, которое я вынес из листания одной (пока что) папки, было следующее. Боже мой! В руках каких властей, каких людей оказался наш народ! Полуграмотные невежды вершили дела, арестовывали, казнили, творили насилия, отбирали хлеб и скот, сгоняли людей с обжитых мест, морили голодом, хватали заложниками, бесчинствовали, осуществляли диктатуру... Кого? Чью? По чьему приказанию?

Месяцами, даже и днями, даже и часами я сидеть в архивах не мог. Ломать глаза, разбирать чоновскую писанину (чертовщину) по буквам... да и приехал-то я в Абакан всего на несколько дней... Было от чего прийти в отчаяние. Да надо бы еще заглянуть в Минусинск, да надо еще съездить в Соленоозерное на родину Соловьева (и на место его гибели).

И тут спустился, как говорили древние греки, «бог из машины». В театре «Сказка» был устроен московскому писателю литературный вечер. Кажется, даже с продажей билетов. Но заранее условились, что выручка пойдет абаканскому краеведческому музею. Все это устраивал Миша Хроленко, а меня подробности не касались. От меня требовалось только читать стихи да отвечать на вопросы. И вот после вечера подходят ко мне мужчина «в годах» и юная школьница. Оказалось, что это учитель истории в местной школе (№19) Борис Григорьевич Чунтонов и его ученица из девятого класса Соломатова Таня. Оказалось, что учитель уговорил свою ученицу написать реферат на какой-то там конкурс (и реферат получил-таки первую премию), а темой реферата они избрали: «Действия ЧОН (Части Особого Назначения) на территории Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии». На этом месте моя мать, покойная Степанида Ивановна воскликнула бы: «А ты говоришь. Бога нет!»

От девятиклассницы, даже и под руководством учи-

теля-историка, трудно было бы ждать глубокой и объективной оценки событий (ведь надо преодолеть инерцию воспитания целых поколений, надо раскрепостить мозги), но школьница и ее руководитель оказались на правильном пути к истине.

Где-то Таня Соломатова вычитала – она указывает журнал «Современник» («Наш Современник»?) №9 за 1992 год, статью Марины Белянчиковой, – что ее любимый писатель Гайдар (цитируем) «...по молодости лет и твердости убеждений отправил в 1922 году на тот свет сотни добровольно сдавшихся в плен (подчеркнуто в журнальном тексте. – В. С.) русских солдат и офицеров, несколько не озаботившись... цивилизованностью методов: банальный расстрел...»

У Тани Соломатовой возникло желание узнать об этом побольше. Ну, насчет сотен расстрелянных Гайдаром ей уточнить не удалось и едва ли когда-нибудь удастся. Скорее всего речь идет о крымских расстрелах, либо кубанских, либо тамбовских, а ЧОН в таких случаях не оставляют не только каких-либо документов, но и никаких следов, но о Гайдаре кое-что Таня могла найти у себя в Хакасии.

Вступительную страничку к своему реферату Таня начинает так: «Из тем, предложенных мне учителем, я выбрала тему о действиях ЧОН (Частей Особого Назначения) на территории Ачинско-Минусинского уезда в 1920-24 годах. Живя в родном крае, нельзя не знать

его историю. Без истории (то есть без прошлого) нет ни настоящего, ни будущего. Сейчас взгляды на устройство бывшего советского государства меняются, вытекают наружу факты о жизни того времени. Что было белым, становится черным и наоборот... Мне непременно захотелось понять действия Гайдара и его отрядов, узнать о людях, с которыми они воевали. Кто они? Почему создали банду? И банда ли это? Какие у них были цели? И я занялась поисками отгадок... В архивных документах было множество синтаксических и орфографических ошибок, слабых оттисков печатной машинки, там же встречались пробелы, где приходилось догадываться по смыслу текста... Документы были ветхими и заставляли тратить на них много времени, прибегать к увеличительным стеклам... Мы погружались в мир семидесятилетней давности. Все было интересно, хотя многое и непонятно. Мы впервые работали с истинно историческими документами. Все казалось главным, важным, иногда даже ошеломляющим.

В Хакасском республиканском архиве проработали 4 тома (12 дел) – около 900 страниц.

Приступили к работе с архивом г. Минусинска, г. Ачийска, так как оперативно-боевые действия охватывали Ачинский и Минусинский уезды Енисейской губернии и юго-восточную часть Томской губернии, район Кузнецка (ныне Новокузнецка), где в 60-70 верстах

от него в тайге была зимовка отряда Соловьева».

Нельзя сказать, что девятиклассница Таня уяснила для себя (а значит, и для нас) истинную роль Аркадия Голикова во время его пребывания в Хакасии, да это и нельзя уяснить по архивам. Там ведь не обозначено, где и кого он застрелил. Там только общие сведения: «Принял командование батальоном», «отправился на поиски». Более того, в Абаканском архиве вообще нет упоминаний о Голикове. Я даже удивился и высказал свое удивление хранительнице фондов. Она, потупив глаза, проговорила, как если бы не относящееся к делу: «Вы не первый москвич листаете эти архивы...»

В Минусинском и Ачинском архивах о Голикове упоминается. Но вот что странно: в романе Анатолия Чмыхало о Соловьеве ни разу не упомянут Аркадий Голиков, как будто его тут и не было. Я думал, что поскольку – беллетристика, то он скрыт под другой фамилией, но нет в романе ни одного действующего лица, ни одного персонажа, в прототипы которому напрашивался бы чоновец, присланный из Москвы.

И вообще Таня Соломатова сделала упор в своем реферате не на выявление роли Голикова в попытках ликвидировать Соловьева, а пытается показать моральный облик чоновских отрядов. Ну что же, и это полезно. Кроме того, как бы ни были отрывочны, полуграмотны, противоречивы и разрознены архивные сведения, выписанные Таней Соломатовой при помощи

«увеличительных стекол» (очевидно, через лупу читала Таня архивы), все же они воссоздают обстановку и, я бы сказал, дух того времени, хотя и не воссоздают последовательности хода событий, не выстраивают события в один ряд, приводящий в конце концов к гибели Ивана Николаевича. Тамошние жители прозвали его «Императором тайги». Это что-нибудь значит, даже если в этом прозвании более от желаемого, нежели от действительного.

Поскольку архивные сведения не выстроены юным, начинающим историком в последовательное повествование, поскольку читающие эту повесть едва ли в ближайшее время попадут в архивы, то мы осмелимся фрагментарно и вразброс (чтобы не переписывать весь Танин реферат) дать представление о чоновских документах, сохраняя их орфографию и все грамматические особенности. Тем более что к реферату Тани Соломатовой, откуда мы черпали архивные строки, добавились многие архивные страницы, добытые нами самостоятельно из архивных фондов Ачинска. Если Таня выбрала строки, говорящие о состоянии чоновских отрядов, то нас больше интересовало состояние и положение крестьян в тех местах, нас интересовали причины возникновения множества повстанческих отрядов, которые появлялись и чаще всего лопались как мыльные пузыри, пока все это повстанческое движение не откристаллизовалось в большой и боеспособ-

ный отряд Ивана Николаевича Соловьева, личность которого уже тогда была окружена ореолом славы, но и теперь для нас должна казаться героической и даже легендарной.

Со страниц архивов встает обстановка чудовищного насилия и беспардонного издевательства над мирными крестьянами, которая (обстановка) не могла не привести к стихийному повсеместному возмущению, против которого советская власть не имела никаких других средств, кроме еще большего и уже кровавого насилия.

«Информационно-инструкторский отдел управления ачинского горuezдного исполкома

Бюллетень №5 от 27 по 29 января 1921 года. (Секретно)

Ястребовская волость. Из доклада инструктора Петрова. Волисполком данной волости работает слабо... Не проводится пролетарская линия. В деревне Лодановка осенью крестьянами зарезаны все породистые быки на мясо для собственного употребления и в результате чего на весну скот остался без приплода...

Покровская волость. Из доклада инструктора Петрова. Инструктор вторично отмечает факт недовольства крестьян поведением и работой продотрядов, благодаря которым коммунистические ячейки Таловская, Великокняжеская, Теманенская подали заявления о выходе из партии, мотивируя свой выход непосильным

наложением властью разверсток, дерзким и вызывающим поведением продотрядом. В волости начинают появляться заболевания брюшным тифом... Кизильская волость. Из донесения инструктора Кауракова.

Из улуса Божье-Озерского скрылись неизвестно куда пять человек, подозревавшиеся в участии белой банды. Причем трое из них были мужчины и две женщины. Розыски производятся.

Корниловская волость. Хлебная и фуражная разверстки производятся по волости с посевной площади. Пополнение ссыпных пунктов идет слабо ввиду неимения хлеба у жителей. Наблюдается ропот со стороны крестьян на вызывающее поведение агента Губпродкома...

Чернореченская волость. Из телеграммы волвоенкома Степанова. Председатель волисполкома Круглов расхищает народный хлеб и прочие продукты. (Видимо, хлеб, ссыпанный в общественные амбары, раздает голодным крестьянам. – В. С.) Для выяснения упомянутого и ликвидации его послан инструктор политотдела Степанов.

Кольцовская волость. Настроение населения ввиду неполучения предметов первой необходимости в связи с наступлением осени, а так же ввиду обложения слишком большими количествами разных разверсток – негодующее.

Балахтинская волость. Относительно общего на-

строения населения инструктор в своем докладе говорит: крестьяне сильно ропщут на власть. Причины – конфискация кож и учет овчин. Крестьяне остаются буквально разутыми и раздетыми и отчасти вследствие этого категорически отказываются вывозить государственные грузы. (То есть награбленное у тех же крестьян. – *В. С.*) Все это вместе взятое тормозит выполнение хлебной разверстки. (То есть изъятие у крестьян последних остатков хлеба. – *В. С.*)

Балахтинский сельсовет категорически заявил, что без подворного обследования не может произвести раскладку разверстки на граждан. Да и вообще как мы можем делать разверстку без согласия населения – слова председателя сельсовета (председатель – идеалист – *В. С.*). Инструктор находит необходимым изолировать некоторые группы лиц как определенных сторонников кулачества и противников разверстки».

Еще раз можно обратить внимание на значение и роль вовремя приклеенного ярлыка. Ведь только что мы прочитали, что крестьяне остаются буквально разутыми и раздетыми в результате разверстки. Причем же здесь «сторонники кулачества»? Но скажи «противники разверстки» – это одно. А скажи «сторонники кулачества» – и это уже другое. Если «сторонники кулачества», то читаем.

«Назаровский район. Тов. Костянов принимал деятельное участие в ликвидации восстания и выдержал

несколько боев. После занятия Сережа было приступлено к немедленной конфискации хлеба...

Подсосенская волость. 1 ноября тов. Костянов был командирован в село Подсосенское для организации выгрузки хлеба и производства обысков. Бежавших с бандитами местных сельчан очень много. При обысках было отобрано до 30 подвод кожевенного и другого товара... Общие черты Сережского восстания таковы: опросом одного пленного установлено, что правильной подготовки восстания не было, только накануне восстания на одной из заимок бывшим партизаном Александром Дубским были организованы 50 бывших унтер-офицеров...

Петровская волость. Петровский волисполком рапортом на имя Увоенкома доносит, что 11 ноября через Петровскую волость проходили белые банды в количестве 150 человек...

Тюльковская волость. Настроение волости очень плохое. Причины – местный неурожай и кулацкая антисоветская агитация. Коньком кулацкой пропаганды является разверстка (а при чем же тут кулаки? – В. С.). Недостаток продуктов первой необходимости, например, крестьянские детишки не могут посещать свои школы из-за отсутствия одежды и обуви (кулаки виноваты? – В. С.). При таких условиях агитационная работа инструкторов наталкивается на серьезные трудности и имеет скоропреходящее влияние. Тюльковский

военный комиссариат доносит, что 19-го сего ноября деревня Коханово подверглась нападению банды белых. Бандой захвачены и убиты один милиционер и два продавца... Пытались расстрелять гр. Марьясова, но оставили живым... В Крюковом к банде присоединился один местный житель... В Платиновой к банде присоединился один местный. В дер. Ильтиновой произошел бой между бандой и отрядом Перевалова – захвачено четыре бандита-казака и расстреляны...

Корниловская волость. Население в момент появления белых банд относилось к советской власти отрицательно. Выполнение разверсток прекратилось...

Павловская волость... Особенно скверно настроена беднота, перед которой после выполнения разверстки встает призрак голода. Запасов хлеба нет. Тревожат крестьян и вопросы предстоящих посева и осеменения. Большое недовольство и ропот крестьян вызывают конфискации хлеба агентом Райпродкомом Елизаровым, довыдача премирования за выполнение разверстки. Нетактичное поведение продотряда в целом и хулиганские выходки отдельных красноармейцев...»

«ПРОТОКОЛ №32

заседания Исполнительного комитета Ачинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 11.06.1918 г.

Под председательством тов. Саросека, при секретаре тов. Яхимовиче, присутствовали тов. председатели

ля Поляк, секретарь Бадрин, члены: Слободчиков, Филиппов, Корнилов, Антипин, Вахрушев, Бекетов, Гамберг, Игнатъев, Забегин, С. Игнатъев, Школьников, Сергеев, Потехин, Булатов, Леонович, Клопов, Филатов, – рассмотрели нижеследующие вопросы:

1. Об отношении исполкома к вооруженным выступлениям и нападениям со стороны белогвардейцев и разбойничьих банд на представителей и работников Совдепа.

Принимая во внимание неоднократное нападение контрреволюционных разбойничьих банд и посягательство на жизнь представителей советской власти, – Постановили: «За смерть одного советского работника, павшего от рук контрреволюционера и разбойничьих банд, будут расстреливаться все заложники, находящиеся в руках советской власти. Все пойманные с оружием, не имеющие на то разрешения, будут объявлены вне закона. Во избежание недоразумений в отношении объявляемых вне закона граждан подтверждается прежнее постановление о регистрации и немедленной сдаче оружия...»

Из доклада отдела управления Ачинского уисполкома о деятельности с 24 ноября 1921 г. по 20 ноября 1922 г.

Раздел «Экономическая жизнь».

«По данным из волостей уезда видно, что таковые после выполнения продналога обнищали, крестьяне

бедняки находятся в стадии голода. Посевная кампания прошла далеко не отвечаяще заданиям посевной площади – приблизительная площадь засева понизится против задания до 45%. Эта доля незасева относится на крестьян. Волисполкомы, а равно и сельсоветы всего уезда последнее время впали в зону невыносимо тяжелого положения, вследствие отказа отдачи средств для поддержания таковых, много поступает заявлений с мотивом об изыскании средств для содержания состава служащих волисполкомов и сельсоветов, где указывают, что случаи неизыскания их повлекут за собой, а спад волисполкомов – здесь приходится прибегать ко всякого рода обещаниям до выяснения положения о них. Есть случаи оставления волисполкома сотрудниками в Жуковской волости, такое же положение ждет и многие другие волисполкомы, не говоря уже о сельсоветах, которые под страхом суда еще пока держатся. Выход из этого положения, хотя и есть, но он резко отразится тяжелым бременем на бедняках – этот выход заключается в допуске к обязанностям кулачества сельских и волостных советов.

Зафиксирован случай голодовки крестьян в с. Ельникове этой же волости, где голодает 75 семейств в 486 душ. Голодная масса крестьян, не находя средств к существованию, вынуждена питаться мясом, добываемым из остатка их скота, наблюдается, что многие крестьяне этой местности питаются мясом павших жи-

вотных от бескормицы.

По сведениям, поступавшим из уезда, видно, что земледельческие орудия у крестьян уезда пришли в полную негодность. Несмотря на часто производимый ремонт, который тяжело отражается на крестьянах в смысле платы продуктов первой необходимости, к положительному результату не приводит. Продуктивность работы падает, есть основание полагать, как видно из многих документов, что крестьяне своими истрепанными плугами превращают полосу посева в искажение, чем не достигается известной потребности почвы подпарка, для урожая, забивается все положительно травой. Причиной этому то, что корни трав и растений не подрезаются иступившимися плугами, а выдергиваются полностью с всего корня, вследствие чего они пожирают и действуют разрушающе на урожай.

Заметно наблюдается отсутствие мелких предметов в хозяйстве как то: кос, серпов, молотков, бабков для оттягивания остроты кос, гвоздей и, наконец, шильное и втулочное железа, все перечисленные предметы безусловно привлекут за собой следующие недостатки:

1. Отсутствие кос лишит крестьян производить своевременно полную потребность сенокосения, последствием чего может быть обречение скота на голодовку.
2. Отсутствие серпов сократит продуктивность успешного хода работы по сбору хлебов.

3. Молотки и бабки и не так важны, но тем не менее здесь может быть сокращение усиленности в работе и притом может получиться быстрое уничтожение кос, ибо таковые из-за отсутствия бабок правятся песчаными брусками.

4. Отсутствие шильного и втулочного железа грозит остановлением крестьянского транспорта, ибо старый шинный накат за 4 года износился, а употреблять транспорт в нескованном виде по условиям настоящего материала и плохих дорог говорит за полную невозможность. На местных рынках перечисленных предметов не имеется, и крестьяне не просят изыска-ния их».

В такой-то обстановке, с одной стороны, полного бесправия, а с другой стороны, беспощадности без малейшего послабления, (не говоря уж о сочувствии), и возникло вдруг имя Соловьева как народного заступника, защитника, борца за справедливость, а в некоторых случаях даже и мстителя. Хотя надо сказать, что из всех атаманов и предводителей (ну там, Пугачев, Разин) Соловьев был самым гуманным и справедливым, я бы даже сказал, цивилизованным.

«Сводка по отделу управления Ачинского Уисполкома.

ОСНОВАНИЕ: циркуляр НКВД №23. Секретно.

...Общеполитическое положение уезда за апрель таково: в районе Кизыльской волости, заселенной ис-

ключительно инородцами, оперирует банда казака Соловьева, исключительная конная, хорошо вооруженная, имели даже аппараты Шоша, насчитывавшая первоначальное ядро человек в 70, постепенно увеличилась приблизительно в два раза за счет присоединения местных инородцев. Борьба с бандой очень затруднительна, вследствие местных природных условий, представляет из себя горную цепь, сплошь покрытую таежным лесом, трудно доступную, кроме того, банда пользуется большими симпатиями среди населения, что в союзе с малодоступностью места операции банды... (два слова нет возможности прочитать) делает ее почти неуловимой. К ликвидации банд приняты все возможные меры, а именно: достигнуто соглашение о совместных действиях с отрядами Минусинского уезда (на который так же распространяется влияние банды), ввиду малопригодности пехотных частей для борьбы с быстро передвигающимся противником приступлено к формированию кавалерийского отряда за счет местных средств, обеспечение конным составом проводится путем временной мобилизации лошадей, по миновании надобности возвращаем их прежним владельцам. Кроме того, приняты чисто моральные меры противодействия бандам – выпущено воззвание к инородцам как элементу, пополняющему банды, с гарантиями неприкосновенности личности и имущества рядовых бандитов в случае сдачи ими ору-

жия и добровольной явки в распоряжение властей. Командированы специальные агитаторы из инородцев – членов РКП.

Настроение населения по всему уезду нужно признать неудовлетворительным – одной из главнейших современных причин понижения настроения является недостаточное снабжение населения, истощенного разверстками, семенным хлебом или не отвечающее местным условиям распоряжение имеющимися запасами семян. Есть недоразумения на почве забронирования семян, как продовольственного хлеба».

Из архива ЧОН (Ачинский филиал ГАКК).

«Соловьев Иван Николаевич, 32 года, жена, 2 детей и отец в банде. Примерно 1894 года рождения. Отец 60 лет, завхоз банды.

Начальник штаба – Макаров Алексей Кузьмич, полковник царской армии.

Адъютант – Королев Владимир Иванович, 28 лет, прапорщик, имеет образование агронома. Носит форму с погонями прапорщика, погоны желтого цвета.

Завразведкой – Астанаев Сильверст Яковлевич. 26 лет, из инородцев улуса Чарков. Синявинской волости, малограмотный. (Очевидно, агентурная ошибка. По другим сведениям, полученным, в частности, в личной беседе с его правнуком Василием Сергеевичем Астанаевым. Сильверст Яковлевич учился в Томском университете.)

Каптенармус – Талкин Прокопий, инородец, 40 лет, из улуса Сарала, Кизылской волости.

Комвзвода 1. Кульбестеев Константин Григорьевич, 28 лет, из улуса Сарала. инородец.

Комвзвода 2. Кулаков Дмитрий, 27 лет, инородец.

Щепачев Павел – старший пулеметчик, казак, 30 лет, из улуса Теплая речка Кизыльской волости.

Создан суд чести. Имеется молитва «Спаси Господи люди твоя и сохрани достояние твое...» Существует ежедневная вечерняя перекличка, группирующая банду. Банда именуется «Горно-конный партизанский отряд им. Великого Князя Михаила Александровича».

Все вооружены винтовками, шашками, револьверами, имеется артиллерия. Обмундирование одинаковое, добротное, хорошее. В банде имеют все большую сознательность, на почве этого распоряжения выполняются беспрекословно и сознательно... В банде имеется книга приказов, например:

1. Назначить начальником разведкоманды Емандыкова Николая с 15.05.22.

2. Каптенармузом назначить Кулакова Аркадия, помощником – Пономарева.

3. Категорически запретить самовольные обыски у населения.

СОЛОВЬЕВ».

**Ачинский филиал ГАКК Ф.1697, оп.3, д.18, л.193
из архива ЧОН**

«Банда Соловьева.

Соловьев Иван Николаевич, из крестьян Форпоста, в банде с 1920 г. Состав банды с 1 июля по 1 августа до 40 человек. С 1 августа по 8 октября – 420 человек. Именной список первоначального состава:

1. Соловьев Николай 2. Михайлов Прокопий 3. Родионов Илья 4. Кульбвгеров Дмитрий 5. Татороков Осип 6. Топоков Борис 7. Коков Михаил 8. Коков Иван 9. Сергеев Кирилл 10. Кулаков Андрей 11. Редькин Федор 12. Кроков Иван 13. Иноземцев Григорий 14. Самойлов Петр 15. Самойлов Павел 16. Яновский Прокопий 17. Коконев Иван 18. Додонков Николай 19. Кильбистеев Николай 20. Кончаер Илья 21. Хрошкась Иван 22. Доврягин Илья 23. Ульчугачев Яков 24. Болохчин Петр 25. Рудаков Леонтий 26. Ульянов Иван 27. Салошожиков Петр 28. Попов Андрей 29. Рудаков Леонтий 30. Арыштаев Петр».

То есть из тридцати поименованных – 12 так называемых инородцев, хакасов, и это-то больше всего было советскую власть.

Ачинский филиал ГАКК ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 194
«КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ

Советская власть вступила на новый путь борьбы с белой партизанщиной, стремясь запутать партизан в бессильной злобе. Власть хватается и расстреливает родственников партизан. Мы вообще всегда считали власть жидов и коммунистов смелой и бессильной. Мы

всегда были уверены в том, что эта власть кроме обмана и жестокости, кроме крови ничего не в силах дать населению, но все-таки полагали, что правительство состояло из людей нормальных, что власть принадлежит хотя и жестоким, но умственно здоровым. Теперь этого сказать нельзя, разве на самом деле допустимо, чтобы люди умственно здоровые стали делать то, что делает теперешняя власть. Разве вообще допустимо, чтобы психически нормальному человеку пришла в голову мысль требовать ответа за действия взрослых – человека малолетнего. Конечно нет. Власть арестовывает партизанских родственников от семилетнего возраста. Да разве придет когда-нибудь мысль нормальному человеку наказывать семилетнего ребенка за действия сорокалетнего дяди, конечно же нет. Но власть не только наказывает, власть убивает, уничтожает и не того человека, который делает по ее мнению зло, а другого, который этому злу не причастен. Может ли быть более дикое распоряжение чем то, которое делается Советской властью.

Граждане, вы теперь видите, что нами управляют идиоты и сумасшедшие, что ваша жизнь находится в руках бешеных людей, что над каждым из вас висит опасность быть уничтоженными в любой момент, ибо, если наша очередь пришла сегодня, то ваша может прийти завтра. Чтобы спастись вам от неминуемой гибели, необходимо браться за винтовки и примыкать

к нам. Братья, так как только в этом случае уйдете от преследования Советских деятелей, которые обрушатся тогда на невинных ваших соседей. Мы, белые партизаны, относимся к пролитию крови отрицательно, несмотря на соблазн отомстить Советской власти, не считаем себя вправе идти по ее пути. За сумасбродство и кровожадность родителей мы не можем поднимать оружие против детей коммунистов, мы же будем направлять нашу борьбу против самих коммунистов, не только расстреливать их как своих политических врагов, но как врагов России, как врагов своего народа.

Есаул СОЛОВЬЕВ 1922 год».

Ачинский филиал ГАКК Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 196
«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Советская власть стремится восстановить все население против белых партизан, стремится доказать, что партизаны наносят вред населению. Власть стремится во чтобы то ни стало вооружить главным образом инородцев, их, вооруженных, поднять на борьбу с партизанами, создавая везде сельские отряды самообороны. Коммунисты, пролившие море крови, желают теперь укрываться за мирного жителя и избежать кары, которую от народа они заслужили.

Партизаны борются за народ, за народные интересы, они требуют уничтожения расстрела, уничтожения разверстки, прекращения грабежа, учиненного комму-

нистами. Поэтому кто поднимет руку против партизан, вооружатся против народа, а поэтому предупреждаю всех вооруженных самоохранников, буду рассматривать как вооруженную борьбу коммунистов и с ними буду поступать так же, как и с коммунистами.

СОЛОВЬЕВ

Ачинский филиал ГАКК Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 195

22 мая 1922 года

«ВОЗЗВАНИЕ К КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Граждане красноармейцы, обращаюсь к вам, бросьте коммунистов, красноармейские ряды, идите в партизанские отряды. Вы забудете то, что вам говорят ваши командиры, что если попадете в руки партизан, вас будут мучить и убивать. Нет, граждане солдаты, это было испытано вашими коммунистами, которые служили в отряде Мешкова и обращались с жителями варварски. В июне 1921 года 6 человек из отряда Мешкова поступили в партизанский отряд, не было нанесено оскорбления даже словом.

(Нам придется цитировать немало еще архивных документов. Ради экономии места в книге и дабы не отвлекать читательского внимания от сути дела, мы не будем указывать выходные данные в каждом отдельном случае. Однако заверяем читателя, что для каждой строки из архива у нас есть выходные данные.)

Еще раз обращаюсь к вам, при встрече партизан не вооружаться и не стрелять. За добровольную сдачу я

гарантирую жизнь. Мною дан приказ по моим отрядам: добровольно сдавшимися красноармейцам не чинить насилия.

СОЛОВЬЕВ».

«ПРИКАЗ

командира вооруженными силами Ачинского и Минусинского районов Белова.

...Если будет убит советский работник, отвечают все граждане деревни, для чего вводится круговая порука...»

«...Председателем чрезвычайной тройки по суду над заложниками, как пособниками белобандитов, назначить Червекова, членами Кузнецова и Гордынско-го».

Из приказа от 27 августа 1922 года

«Начальнику

3 района Ачинского уезда Голикову

Я, Антипов, обязуюсь выдать в кратчайший срок банды Соловьева и Каренина, а также дать всевозможную информацию по банде. В противном случае я буду отвечать по строгости закона, к чему и подписуюсь. Антипов».

Так впервые в чоновских документах появляется фамилия Голикова.

«ПРИКАЗ

по шестому отряду от 24 марта 1922 года.

Прибывшего в мое распоряжение штаб ЧОНгуба

Енисейского 19 марта сего года товарища Голикова зачислить в списки отряда на все виды довольствия с вышеуказанного числа, с назначением на должность комбата вверенного мне отряда. Тов. Касьянову командование батальоном сдать и прибыть в мое распоряжение.

ОСНОВАНИЕ: личное приказание Команчонгуба. Командир отряда КУДРЯВЦЕВ».

Из официальных документов штаба ЧОН Сибири:

«Бандитизм в означенном районе отличается от бандитизма прочих районов Сибири своеобразной смесью уголовного и политического характера (элемента). Полевые части для борьбы с ним мало пригодны. Бандитизм на территории Сибири, благодаря многим, чисто сибирским условиям имеет глубокие корни. Только организованность ЧОН, только практика в их неразрывной борьбе с наследством колчаковщины, давала и дает положительные результаты.

ГОЛИКОВ».

«Ачинско-Минусинскому боевому району село Ужур.

16 июля 1923 года.

Колоссальная воспитательная работа проделана в Красной Армии за 5 с половиной лет ее существования. Но наблюдаются явления, в результате которых прихожу к заключению, что некоторыми лицами ком-

состава ЧОН губернии до сих пор не только не усвоены элементарнейшие понятия о воспитанности, но даже не освоена и необходимость уважения личности подчиненного... Такой ношей в полной мере является очень недавно прибывший в мое распоряжение из штаба ЧОН Сибири, до того времени совершенно неизвестного мне товарища Никитина.

Он, получив непроверенные сведения о появлении в улусе Ороштаев двух бандитов, с четырьмя бойцами под своей личной командой отправился в улус, вместо того чтобы выполнять свою задачу по проверке сведений о бандитах, хотя для этого, конечно, не было никаких оснований командиру эскадрона ехать самому с отрядом. В улусе Ораштаев и Иткуль занялся сбором продовольствия для бойцов инородцев эскадрона, а попутно с этим арьяна (самогона) уже лично для себя и для своего победоносного отряда. В результате этого похода явилось следующее: бандитами тов. Никитин поинтересоваться забыл, а вместо того, напившись. Очевидно, до полной потери сознания и приличного состояния, назвав населению себя Соловьевым, а своих бойцов бандитами, стал заниматься вымогательством продовольствия и самогонки, угрожая оружием и даже применяя его, угрожал расстрелами и проч. Дав волю своему пьяному разгулу, тов. Никитин позволил себе ударить кулаком по лицу бывшего бойца тов. Шанданова, боевые заслуга которого отмечены

ны: представлением его к награждению именным оружием. Наконец, очевидно совершенно потеряв человеческий облик, с наганом в руке предъявил жене одного сельчанина улуса такое требование, которое мог предъявить лишь дикарь, совершенно лишенный понятия о чести».

«Агентурными данными установлено, что банда Соловьева и Кулакова объединились и оперируют вместе, имеют четыре пулемета, вооружены трехлинейными винтовками и большим запасом патронов. Обмундированы хорошо. Со слов населения банда возит знамя: «За Веру, Царя и Отечество», называют себя отрядом имени Великого Князя Михаила Александровича. Главарь банды носит погоны полковника. Обращаются друг к другу: «Господин такой-то».

На этом месте автор реферата, девятиклассница Таня не удержалась от комментария.

«За Веру, Царя и Отечество» – был лозунг Белой Армии. Почему у Красной Армии не было такого лозунга? Да, в Красной Армии были другие принципы. Но к Отечеству должно быть одинаковое отношение. Как писал Фонвизин: «Ты должен посвятить Отечеству свой век, коль хочешь быть ты честный человек...»

Из донесения: «Соловьев с тремя бандитами 6 апреля прибыл в село Покровское (Чебаки), 90 верст южнее села Ужур и присутствовал на районном съезде Советов (!!!), откуда несмотря на принятые меры к захва-

ту, пользуясь темнотой и содействием некоторых лиц, участников съезда, скрылся... Истребительный отряд в 12 сабель ведет поиски Соловьева в районе села Покровское».

Таня Соломатова комментирует: «Атаман ускользнул из-под самого носа. Но это было бы невозможно без поддержки местного населения, которое укрывало бандитов, информировало о передвижении наших отрядов, о мероприятиях Советской власти. Значит: «банду» поддерживали многие? Да и было ли это бандой, а люди, входившие в нее, бандитами? В этом я начала сомневаться». Ну, что же, можно сказать: молодец Таня Соломатова. Этот поступок Соловьева – тайное присутствие на районном съезде Советов – был назван наглостью. А по-моему, это – храбрость и доблесть. Если только не озорство.

«Со штабом батальона в составе 4-х человек и одним пулеметом и четырьмя пулеметчиками перейти в свой район и подчинить себе отряды: Курорт Шира, командира роты Виттенберга – 36 штыков и 1 пулемет, Соленоозерное, командира 11 роты тов. Скуратова – 39 штыков, деревня Сон, командира роты тов. Шевелева – 16 штыков, село Покровское, командира взвода кавэскадрона тов. Бердина – 23 сабли и старшины кавэскадрона тов. Недорезова – 15 сабель...

Всем означенным отрядам перейти в непосредственное подчинение комбата Голикова. Комбату Го-

ликову все оперативные донесения о ходе ликвидации банды представлять непосредственно в штаб ЧОН Енисейской губернии.

Помсводотряда-6 КУДРЯВЦЕВ».

«Дать предписание Голикову с отрядом 40 человек, включая отряд Измайлова, выступить в тайгу по следам бандитов. Командиру Недорезову перейти в Божье озеро до прибытия комбата. Комроты Шмаргину вести разведку на Костино до прибытия Измайлова.

2.4.22 КУДРЯВЦЕВ».

«2.4.23 Тов. Кудрявцев! Дня через два мне необходимо уйти в тайгу для обследования тайных дорог по Ничкургопу, так как по замеченным мною приметам отсюда недавно ушли бандиты шайки Соловьева (частного характера) и мне надо лишь 2-3 дня, пока точно ознакомлюсь с дальнейшими действиями с их стороны, а потому прошу временно (дня на 3) усилить отряд и передать ему человек 10 пехоты и кавалерии... Отмечаю, что место пребывания бандитов по всем сообщениям 120-125 верст в глубь тайги от конечного пункта санной, таежной дороги... (неразб.) делают невозможными... двигаться дальше нормальным путем. Очень прошу – снимите какие-нибудь никчемные гарнизоны, дабы мне можно было полностью обследовать таежные дороги, а потому 3 апреля жду приказаний по существу моего сообщения. После чего уйду с отрядом Измайлова в тайгу, самостоятельно возлагая на

себя ответственность за принятые меры.

Комбат ГОЛИКОВ».

«5 апреля 22 года в 6 утра с отрядом в 41 штык выезжаю в разведку к верховью реки Ничкуфюр для обследования таежных дорог и для нахождения следов местопребывания банды.

ГОЛИКОВ».

«Только что получил ваше указание от 2 апреля, как раз вовремя, так как я сейчас уезжаю. Коротко отвечаю по пунктам.

1. В палатке, что в двух верстах по левую сторону правой дороги села Простокишино, найдены две обоймы, 10 стреляных патронов и полотенце.

2. Сведение о появлении банды в Простокишино получены от председателя сельсовета. В 5 часов утра по истечении 7 часов со времени ухода в тайгу.

3. Банда была в деревне пешая. По выходе оттуда встала на спрятанные в лесу лыжи.

4. Взято 9 лошадей, 10 пудов муки и тряпье.

5. Так как я являюсь начальником только своего отряда в 40 человек и действую с таковым полностью, то заместителя оставлять считаю лишним. Приказы, полученные за время отсутствия, сводки, буду посылать непосредственно вам к указанным срокам.

6. Разведка агентурного характера была выслана под управлением простокишенского председателя в составе 5 человек. В настоящее время вернулась. О

результатах будет доложено после личной проверки.

7. Количество, время выступления и направление моего отряда указываю.

8. Снег по тайге по пути к банде 1.5 аршина (по грудь). Сейчас выступаю. Всего хорошего.

Комбат ГОЛИКОВ».

С нарочным послана еще одна записка Кудрявцеву.

«1. Дорога от села Дума до места, обозначенного двумя крестиками, равна 20 верстам, ведет между гор и редкой тайги. По масштабу не совпадает, так как идет изгибами, а помечена прямой.

2. Место, помеченное двумя крестиками, означает стоянку бандитов. Отсюда идут лыжные следы, но с трудом проехать на лошади можно. Дорога сразу же идет стиснутая густою, но мелкою тайгой. Удобно для засад. Равна 8 верстам.

3. Место, отмеченное двумя крестами – место стоянки бандитов. Всякая дорога обрывается, а в гору идет только лыжный след, могущий выдержать не более 3-х человек. Под большим количеством, даже идущим на дистанции – оседает пластом. На месте появляются обрывки и разное тряпье.

4. На 1,5 версты видна кровь заколотых лошадей. Путь следования бандитов, по данным разведки, идет до горы Березовой и сразу поворачивает на северо-запад. Глубина снега – 1 аршин. Далее идет покат, непригодный для постоянной остановки.

Приложение: последняя около верховья истока Юзика, но не особенно далеко. По дорогам еще некоторое время можно пройти на лыжах, приблизительно еще дней 10. Пешим порядком абсолютно невозможно, особенно к вечеру.

Командир батальона ГОЛИКОВ».

«Докладываю, что 5 апреля 1922 года в 12 часов я прибыл в село Божье-Озерное. Сообщаю следующее: в 6 часов утра 4 апреля 1922 года я выступил с 40 человеками и пулеметом. Ехали по дороге, ведущей от Б. Озера в тайгу. Продвинувшись 20 верст до места первой стоянки бандитов, санный путь окончился. Оставив пулемет и 14 человек, в 12 часов двинулся с 26 человеками дальше. Пройдя 8 верст до второй стоянки бандитов добрались, на которой валялись обрывки всяких вещей, ящики из-под патронов и тряпье. Очевидно отбиралось, что с собой брать. Еще 1 версту далее – кровь лошадей. Далее всякая возможность идти окончилась из-за глубокого снега. Причем сообщая, что по утопанной лыжне вполне можно пройти двум человекам. Под большим количеством снег оседает пластами. Замечателен тоже тот факт, что кто-то из деревни имеет с ними связь. Так как вплоть до самого места 2-й стоянки виден след лошади и легких санок, каковой ведет потом обратно. Вернувшись часам к 6 к месту стоянки пулемета, я продвинулся вверх по реке Ничкурюп на простокишинскую тропу, которая по-

степенно перешла в дорогу. В 9 часов прибыл в Простокышино. откуда была послана разведка из 3-х местных крестьян и одного спутника, которые вернулись к 12 часам утра и доложили о пути своего следования на 15 верст, который отмечен на прилагаемой карте. При чем донесено, что на протяжении всех 15 верст бандиты гнали с собой лошадей, несмотря на то, что совершенно вязли в снегу и падали. Отсюда вывод: во-первых, что лошади нужны им живыми, не для закола. Во-вторых, все-таки гарантируется постоянное их местопребывание не слишком далеко, о чем и довожу до вашего сведения. Прилагаемая карта относительной точности».

Продолжаем выписывать из реферата Тани все, что касается Голикова. 14 апреля 1922 года ему доносят: «13 апреля в 22 часа в улусе Секта была банда Соловьева в числе 10 человек (по сведениям крестьян). Взято 6 лошадей и 15 пудов муки, 30 фунтов табаку. Скрылись в неизвестном направлении. На остальном участке без перемен».

«Вскоре Голикову поступило сообщение о дерзком нападении бандитов на рудник «Богомдарованный». Сейчас это рудник «Коммунар» Ширинского района республики Хакасия.

Голиков посылает на рудник отряд и вскоре получает донесение: «Ввиду возрастания банды до 60-70 человек, а также прихода продуктов на рудник банда имеет

целью вторично захватить его. Имея в распоряжении 20 штыков, считаю отряд малообеспеченным, а потому прошу усилить его до 40 человек, дабы не дать банде возможность захватить хлеб и не дать имеющийся отряд в жертву бандитам.

Хлеб в числе 253 пуда для рудника находится в Яловой, который должен следовать немедленно с отрядом, и отряд должен быть больше, чем банда. По сведениям граждан, банда соединилась вместе в один отряд: Соловьев, Кулаков, Родионов – и хочет во что бы то ни стало напасть на обоз с хлебом, который пойдет на рудник. Банда группируется в улусах: Токапов, Трошкин, Алешин, а также можно ожидать и до рудника. Я с отрядом послан как по охране рудника, так и с грузом. Опять нужно выделить из района рудника. А здесь бросить тоже нельзя. Ввиду того обстоятельства и посылаю нарочного и жду вашего распоряжения, как поступить. Как доставить хлеб, который обязательно должен быть на руднике. Если дело замедлится, то здесь критически безвыходное положение без хлеба. А главное сгруппировать отряд и напасть на банду».

«Банда» на хлебный обоз не напала. Соловьев, видимо, понимал, что на руднике голодают, хотя и отряд Соловьева жил впроголодь.

Таня Соломатова приводит воспоминание Аграфены Александровны Кожуховской (у которой, кстати сказать, квартировал Голиков): «Я хорошо помню, как бо-

ролись с бандой Соловьева. Соловьев родился в нашей деревне, сам крестьянин. Поэтому он никогда не убивал и не грабил наших жителей».

ПРИКАЗ

командующего Ачинско-Минусинского боевого района

20 янв. 1923 года, село Ужур.

«Из представленного мне дознания видно, что командир истреботряда Комкаввзвода ачинского ЧОН тов. Соколов 7 января 1923 года будучи в пьяном виде во время игры в карты в деревне Копьево, выстрелами из револьвера «наган» ранил в плечо трубача вверенного ему взвода, а также и себя в средний палец на левой руке. Мне же донес, что он, Соколов, и трубач Логинов получили ранение в бою с бандой. Тов. Соколова от занимаемой им должности отстраняю, арестовываю и предаю суду Реввоентрибунала».

«При объезде мною вверенного мне района, я вынужден констатировать, что во всех истреботрядах дисциплина отсутствует, внутренний распорядок больше чем плох, бойцы постоянно увольняются в отпуска, ничем не оправдываемые, а часто самовольно отлучаются. В устранение указанного приказываю:

Командирам всех истреботрядов в кратчайший срок внедрить в истреботрядах твердый порядок и суровую дисциплину... предвещаю, что в случае установления мною указанного при следующих объездах района я

буду применять самые решительные меры, вплоть до арестов и преданий суду Реввоентрибунала».

«Ввиду невыполнения поставленных мною задач по истреблению банды Родионова и остатков банды Соловьева, вследствие: постоянного пьянства, безалаберности действий, ничем не вызванных разъездов по делам личного свойства, полного дедисциплинирования отряда во всех отношениях и совершения целого ряда других преступлений по должности, Комистреботряда 1 тов. Овчинникова от должности отстраняю».

ПРИКАЗ

Ачинско-Минусинскому боевому району от 4 мая 1923 г.

из села Ужур.

«1. Последнее время банда Соловьева проявила активные действия. В особенности в районе западного участка, которая в большинстве случаев действует тремя группами одновременно, группы от 8 до 15 человек. Общий состав банды 25 человек, мужчин, в большинстве случаев – инородцев. Банда Родионова с настоящего времени в большинстве своего состава, как видно, находится на границе Томской губернии и Ачинского уезда, исключая 12 человек под командованием Чихачева, которые вышли и появились в районе озера Учум и Салбат.

2. Ранее изданный приказ от 11 апреля сего года, в котором говорится о необходимости как можно бы-

стрее поставить агентурную работу с целью уничтожения бандитского движения и местонахождения банд, как видно из всего, не выполняется, и командиры действующих частей слишком мало уделяют внимания этому и если на вербовали работников, то не весьма опытно и умело, а посему приказываю:

3. По дошедшим до меня сведениям выясняется, что некоторые командиры действующих частей за непослушание бойцов применяют к таковым рукоприкладство и мордобитие. Считаю такое явление при каких бы то ни было обстоятельствах недопустимым и вследствие сего напоминаю, что за подобные явления по отношению того или иного командира приму самые решительные меры.

Командующий Ачинско-Минусинского района ВОЛКОВ.

Начоперплаба ЗУВАНОВ».

«Лыжный взвод истребгруппы в составе 45 бойцов при трех пулеметах «Шоша» под общей командой 12 эскадрона тов. Шумова с 23 декабря 1923 г. по 3 января 1924 г. производил поиски банды в юго-западном направлении от Покровского (Чебаки). Поиски результатов не принесли и взвод 3 января возвратился в Покровск».

Заметим, что все, что происходило в цитируемых документах, начиная с середины 1923 года, происходило уже после отъезда комбата Голикова, которому неко-

торые его биографы приписывают разгром соловьевского отряда. Да и неясно, что нужно было понимать под разгромом этого отряда. Ведь он на зиму убывал до минимума, а весной опять умножался. Пока целыми и свободными оставались сам Иван Николаевич Соловьев, его начальник штаба, полковник царской армии Макаров, его заместитель Чихачев, его начальник контрразведки Астанаев и его адъютант, отряд надо было считать существующим. Правда, в последний год своего существования Соловьев проявлял меньшую активность, нежели вначале, но это отнюдь не потому, что его в 1922 году и в начале 1923 года «напугал» Голиков, а совсем по иным причинам, над которыми мы своевременно задумаемся.

Но сначала надо задуматься над тем, с какой стати, зачем и почему появился в Хакасии Голиков Аркадий Петрович, восемнадцати лет от роду, прослуживший до этого четыре года ЧОНе, в Частях Особого Назначения. За какие такие заслуги уже в 16, в 17 лет ему доверяли командовать полком (чоновским, разумеется), а и в Хакасию он приехал с предписанием получить назначение не ниже командира батальона (разумеется, чоновского).

В Советском Энциклопедическом словаре (однотомном) дается такая справка; «Части Особого Назначения (ЧОН). Военно-партийные отряды в 1919-25 годах при заводских ячейках, райкомах, горкомах, губко-

мах партии для помощи Советским органам в борьбе с контрреволюцией».

Коротко и не очень внятно. В десятитомной Малой Советской энциклопедии тоже очень краткая справка: «ЧОН. Были созданы в Советской России в годы гражданской войны для борьбы против контрреволюции. Формировались из комсомольцев и коммунистов. В 1921 году ЦК РКП (б) утвердило положение о ЧОН. Общее руководство осуществлялось ЦК РКП (б), обкомами и губкомами. ЧОН сыграли значительную роль в защите завоеваний Соц. революции. С переходом к мирному строительству ЧОН в 1924 году были расформированы».

Тоже не густо и тоже не очень внятно. Что значит – отряды при заводских ячейках, если это полки и батальоны? «Части»! А каждый мало-мальски сведущий в военном деле человек знает различие между, скажем, воинским подразделением (взвод, рота, даже и батальон) и воинской частью.

Значит, «Части Особого Назначения». В чем же состояла эта особенность? Вспомним по аналогии «СЛОН». Соловецкий Лагерь Особого Назначения. Или дом инженера Ипатьева в Екатеринбурге, «Дом Особого Назначения». Словечко «ОСОБОГО» на языке большевиков того времени означало только одно: уничтожение, истребление, смерть. ЧОН, как написано в словаре, были созданы для борьбы против контрре-

волюции. Но разве ЧК, центральная на Лубянке, разве все районные, городские, губернские ЧК («Чрезвычайки», как их тогда называли), ЧК, в которых даже были лотки, желоба для стока крови, как, например, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, это было в киевской «Чрезвычайке», разве они не боролись против «контрреволюции»? Разве сама Красная Армия, возглавляемая красными (кровавыми) комиссарами, не боролась против контрреволюции? Разве не было к тому же вооруженных продотрядов, милиции, наконец? Зачем же еще Части Особого Назначения? Дело в том, что в словарной справочке, где говорится: «при заводских ячейках, райкомах, губкомах и пр.», не сказано главного: «При воинских частях в действующей Красной Армии». А точнее всего – при тогдашнем правительстве, при Совнаркоме и ВЦИКе, при Свердлове и Троцком.

Троцкий, придумавший и создавший Части Особого Назначения, так откровенно формулирует смысл их создания: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока... гордые, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». Яснее всех энциклопедических словарей!

Части Особого Назначения не брали городов, не

штурмовали Перекопа, не обороняли каких бы то ни было объектов, они находились позади воюющей армии. И были у них две главные задачи: они не позволяли (по мере возможности) Красной Армии отступить (так называемые «заградотряды»), а главное — они расстреливали. Расстреливали дезертиров, расстреливали взятых в плен, расстреливали заложников. Одним словом, расстреливали безоружных людей.

Ушла из Крыма армия Врангеля, но десятки тысяч солдат и Офицеров не захотели покинуть родную землю, тем более что Фрунзе в разбрасываемых листовках обещал тем, кто останется, жизнь и свободу. Остались. Крым был передан в руки Бела Куна и Землячки (Розалии Самойловны Залкинд), Бела Кун и Землячка стали приглашать в Крым Льва Давидовича Троцкого. Лев Давидович ответил: «Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». Руководителями Крыма это было воспринято не как намек, а как приказ. Началось бессмысленное кровавое уничтожение всех сложивших оружие и оставшихся на родной русской земле русских людей. Цифры называются разные, кто говорит семь, кто говорит тридцать, а кто говорит семьдесят тысяч. Но даже если и семь, тоже немало. И семь тысяч перестрелять — это работа. Тем более что Землячка изрекла: «Жалко на них тратить патроны, топить их в море». И привязывали камень к ногам, и долго еще потом через

чистую морскую воду были видны рядами вертикально стоящие мертвецы. Но не могли же эту работу выполнить два человека – Бела Кун и Землячка. Нельзя было бы привлечь к этому строевые, боевые части. Фрунзе на это не пошел бы. Кто же это все делал? ЧОН. Части Особого Назначения. Вот уж действительно – Особое, так Особое! Или издал Свердлов декрет «О расказачивании России». То есть об истреблении донских и кубанских казаков. И окружены были области Войска Донского и Кубанское казачество, и жгли станицы и расстреливали за одну ночь все население той или иной станицы вместе с детьми и женщинами. Две недели длилось это бесчинство. Кто же это все делал? Не строевые, не полевые, не боевые части Красной Армии. Это делали Части Особого Назначения. Сокращенно – ЧОН.

(Что касается чоновца А. П. Голикова, то в его послужном списке действия по расказачиванию Кубани записаны скромной фразой: «Комиссар отряда курсантов, усмирявших кубанских казаков. Август 1919 года».)

Россия, хотя уже и смертельно раненная; полурастерзанная, все еще агонизировала. Не успели отгреть залпы расстреливателей на Дону и Кубани, восстало крестьянство в Тамбовской Губернии. Не выдержали грабежа, продразверстки, продотрядов, голода, доводившего до людоедства и детоедства, – восста-

ли. В Тамбовском восстании участвовало около двухсот тысяч человек, а возглавил его тридцатичетырехлетний Александр Степанович Антонов. По ленинской практике обозвали его эсером, а все восстание – кулацко-эсеровским. Вы представьте себе – 200.000 кулаков и одновременно эсеров!

Против тамбовских мужиков двинули регулярную армию под командованием Тухачевского. Но так как главным средством борьбы с восставшими была система заложничества, то Тухачевский не мог обойтись без Частей Особого Назначения. Делалось так. Ушел мужчина из семьи к Антонову, арестовывалась вся его семья. Ушло из деревни к Антонову несколько мужчин, арестовывалась (а то и просто сжигалась) вся деревня. А ведь заложников надо потом расстреливать. Как же тут обойтись без ЧОНа? К Тухачевскому послали Аркадия Голикова. У голиковского биографа об этом написано: «...разговор с Тухачевским вышел короткий. Михаил Николаевич сказал, что пригласил его (Голикова) поближе познакомиться, что хотя мятеж как таковой в целом ликвидирован, работы все равно еще много...» Ну, к такой работе Голикову, несмотря на молодость лет, было уже не привыкать.

С. П. Мельгунов в своей страшной по содержанию книге «Красный террор в России» пишет на стр. 29: «Брали сотнями заложниц крестьянских жен вместе с детьми... приказ оперштаба Тамбовской ЧК 1 сентября

1920 года объявлял: «Провести к семьям восставших (подчеркнуто мной. – В. С.) беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество».

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»:

«5 сентября сожжено 5 сел; 7 сентября расстреляно более 250 крестьян... (а расстреливал ЧОН, то есть и тов. Голиков в том числе. – В. С.)...»

...расстреливали и детей и родителей. И мы найдем засвидетельствованные факты, когда расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей».

Один из биографов Голикова, Гольдин об этом пишет: «Партия передала на Тамбовщину лучших своих сынов, лучшие части, лучших командиров, военачальников, политработников. И среди них был командир 58 стрелкового полка Аркадий Голиков».

А надо было бы написать: «Против лучших и несчастнейших сынов России, не вынесших большевистского насилия и решивших лучше погибнуть стоя, чем жить и пресмыкаться в чудовищном рабстве, партия

послала самых отъявленных убийц и негодяев, имеющих уже большой опыт в деле истребления коренного населения России...» Далее все по тексту.

Могут сказать: «Мало ли что Голиков служил в ЧО-Не. Может, он вовсе и не расстреливал». Но такое предположение невероятно. Если солдат служит в похоронной команде, то закапывать трупы убитых – это его повседневная работа. Для фронтовой медсестры повседневная работа – перевязывать раненых. Для хирурга в медсанбате – делать операции, для артиллериста – стрелять из пушки, для танкиста – водить танк, а для чоновца – расстреливать безоружных людей. Пленных, заложников либо приговоренных к расстрелу Ревтрибуналом. Части Особого Назначения. Не может пожарник не тушить пожара, моряк не плавать на корабле, кавалерист не ездить верхом на лошади, повар не готовить пищу, а чоновец не расстреливать. Такова уж его специальность.

До сих пор многие не перестают удивляться, как это так, семнадцатилетний мальчишка, вдруг – командир полка! За что, за какие такие заслуги? За чоновские заслуги, уважаемые сограждане, за чоновские. А заслуги у чоновца могли быть одни, опять-таки – чоновские.

У меня осталось в памяти вычитанное где-то, но осталось уже в обрывках, в частности, никак не могу вспомнить, о какой школе там велась речь. Суть же этой своеобразной притчи в том, что некий юно-

ша учился в каком-то предосудительном учебном заведении. Скажем, в узко-целенаправленной партийной школе..., или, скажем, в инквизиторской школе, или (ближе к нашей действительности) в школе лагерных конвоиров, или просто на палача. И вот, оправдываясь, он говорит:

– Не один я там учился, нас там было много молодых людей...

– Да. Но зачем ты был первым учеником?

Иногда мне самому кажется неправдоподобным: как это четырнадцатилетний мальчик, ученик Арзамасского реального училища, оказался вдруг чоновцем? Как это Наталья Аркадьевна, мать Аркаши, сама упросила знакомого Ефима Осиповича Ефимова взять мальчика в отряд. Что это – свехреволюционная сознательность? Жертвенность во имя революции? Или за этим что-то стоит? У меня есть догадка, доказать которую, разумеется, невозможно, но возможны косвенные рассуждения на эту тему.

Не так давно мой коллега Борис Николаевич Камов, автор двух больших замечательных очерков о смерти Колчака и о смерти адмирала Щасного, но также и автор апологетической – в духе соцреализма – книги о Гайдаре, выступил с новой публикацией об Аркадии Петровиче. Этой публикации он предпослал следующие слова: «Уже более двух лет в российской печати появляются статьи, в которых А. П. Гайдара обвиняют

в организации и осуществлении массовых репрессий в годы гражданской войны... Между тем в этих публикациях не приведено ни единого документа, подтверждающего обвинения».

Дальше Борис Камов начинает рассказывать о Гайдаре 30-х годов и о том, как Аркадий Петрович несколько раз звонил наркому Ежову, пытаясь выручить свою бывшую жену Лию Соломянскую. Но это все равно, как если бы стали обвинять, скажем, Буденного в том, что он много зарубил шашкой людей, а в опровержение этого рассказали бы, что в тридцатые годы Семен Михайлович «курировал» племенное коневодство в СССР. Ну да, курировал. А в 20-е годы рубил шашкой людей. А насчет документирования... Вот вы, дорогой коллега, пишете об Иване Николаевиче Соловьеве, что он молодой хакаске, уличив ее в агентурной деятельности в пользу ЧОНа (Голикова), лично саблей отрубал по одному пальцы на руке. Ну и как же вы, Борис Николаевич, собираетесь документировать эту клевету на Ивана Соловьева? В духе и образе Голикова расстреливать, но вовсе не в духе и не в образе Соловьева обрубать пальцы юной хакаске.

Но вернемся к нашим косвенным рассуждениям, к нашим недокументированным предположениям о том, почему мать Аркаши Голикова, в четырнадцатилетнем возрасте, собственноручно отдала его в руки ЧОНа, в отряд своего знакомого Ефима Осиповича Ефимова.

Будучи мальчишкой лет двенадцати, Аркаша Голиков обзавелся огнестрельным оружием. Конечно, какой мальчишка не мечтает о револьвере, а тем более о маузере. А. Гольдин в своей книге о Голикове пишет:

«Он мечтал иметь свое оружие, настоящее, с патронами, чтобы и стреляло по-настоящему. И нужно оно было ему не для игр, не для того, чтобы похвастаться перед товарищами, а совсем, совсем для другого...» (подчеркнуто мной. – В. С.)

И дальше: «Купить револьвер в то время в Арзамасе, на базарной толкучке было нетрудно. А может быть, он приобрел его у раненого, находившегося на излечении в госпитале, или просто получил в подарок от кого-нибудь из раненых, потихоньку от госпитального начальства пронесших оружие в палату. Как бы то ни было, а у Аркадия появился револьвер».

Тему продолжает другой биограф Голикова, уже знакомый нам Борис Камов. «В сентябре семнадцатого возобновились занятия в реальном... еще летом (то есть, значит, летом семнадцатого, то есть, значит, в тринадцатилетнем возрасте. – В. С.) он раздобыл себе небольшой маузер с двумя обоймами. Оружие привозили и продавали солдаты, «Нижегородский листок» печатал объявления: «Продается малодержанный револьвер с коробкой патронов». И он носил коротко-ствольный плоский маузер в кармане брюк.

И однажды (он дежурил в классе и, выгнав всех в

коридор, распахнул окно) вошел с тремя ребятами из школьного комитета Федька и потребовал сдать револьвер.

– Какой еще револьвер? – прикинулся было он.

– Не запирайся, пожалуйста! Я знаю, что ты всегда носишь маузер с собой. И сейчас он у тебя в правом кармане. Сдай лучше добровольно или мы вызовем милицию...

Он рванулся к двери – Федька преградил дорогу. Он ударил Федьку – на него навалились остальные. Кто-то пытался выдернуть из кармана его руку, которой он крепко держал рукоятку маузера. «Отберут... Сейчас отберут», – пронеслось в голове.

И тогда, взвизгнув, выхватил маузер, большим пальцем вздернул предохранитель и нажал спуск...

Четыре пары рук мгновенно разжались, он успел, увидеть «будто ватные лица» и желтую плитку каменного пола, разбитую выстрелом... То был его первый выстрел». (Б. Камов. «Обыкновенная биография», стр. 38-39.)

Первый ли? – спросим мы. Маловероятно, что 12-13-летний мальчик с определенной тягой к оружию (а как потом выяснилось – и к убийству), носил много дней в кармане боевой маузер и не попытался из него стрелять. Так сказать, опробовать его в деле.

В этом контексте зловеще звучит фраза, вычитанная Б. Камовым в дневнике Аркадия Петровича. Вооб-

ще-то Гайдар вел дневник, зашифровывая свои записи. Так, когда его мучили повторяющиеся сны, он отмечал: «Сны по схеме №1» или «по схеме №2». И вдруг оголенная, однозначная фраза: «Снились люди, убитые мною в детстве». Свидетельство, как говорится, из первых рук.

И возникает в мучительных снах, в кошмарах тема трех молодых прекрасных женщин, трех сестер-арзамасок. Если бы одна, было бы понятнее и проще. Мало ли? Ну влюбился подросток в русскую красавицу, если даже и старше его, и была недоступна, недосыгаема и осталась светлой памятью на всю остальную жизнь. Но почему – три? И почему они приходили потом к взрослому чоновцу не светлой сказкой, а тяжелым кошмаром? Ведь именно в связи с памятью об этих трех загадочных сестрах он однажды обронил: «Если бы можно было возвратиться назад и начать сначала...» Документировать, как того требует Б. Камов, невозможно, но подсказывает интуиция: уж не хлопнул ли их юный р-революционер? Ведь, небось, сестры-то были дворянки или, во всяком случае, интеллигентки.

И что значит: «Снились люди, убитые мною в детстве»? В каком детстве? Видимо, догадываясь о кровавых проделках отпрыска или даже зная о них, мать и упростила своего знакомого взять Аркашу поскорее в отряд (чоновский отряд). С чоновца, если даже что-

нибудь и открылось бы – взятки гладки. И потом, было ясно, что отряд из Арзамаса скоро уйдет. Для Голикова было: чем скорее, тем лучше.

В отряде А. Голиков с четырнадцати лет. Действительно, отряд вскоре перевели в Москву. И потом были курсы в Киеве, а потом начались боевые «чоновские» дела. Но про эти дела, если даже и приходилось стрелять (а разумеется, приходилось), уже Аркадий не мог сказать «люди, убитые мною в детстве». Нет, запись в дневнике была про людей, убитых, пока Аркаша не был еще в чоновском отряде в должности адъютанта Ефимова. И надо полагать, в адъютантском либо в курсантском положении у Аркадия меньше болела бы совесть при убийстве людей, нежели за год-другой перед этим, когда он тайно носил в кармане заряженный маузер.

Много в обрисовке облика Аркадия Петровича дают воспоминания его друга – журналиста, писателя Бориса Германовича Закса.

Борис Германович, находящийся сейчас в США, долгие годы работал в журнале «Новый мир», когда главным редактором там был Твардовский. Но в 1932 году он работал в газете «Хабаровская правда» вместе с А. П. Гайдаром.

Свои воспоминания Борис Германович опубликовал в альманахе «Минувшее» в №5 (Атениум, 1988, Париж. Стр. 382-390. «Еще раз о письме Гайдара»).

Речь идет о письме Аркадия Гайдара писателю Р. Фраерману, в котором Гайдар жалуется на свою привычку говорить людям неправду. Для того чтобы понять характер письма, выпишем несколько мест.

Здравствуй, Рува!

Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое хорошее... Одна беда – тревожит меня мысль – зачем я так изоврался... Казалось нет никаких причин, оправдывающих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми... образовалась привычка врать от начала до конца и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить ее я не могу... Иногда я хожу совсем близко около правды, иногда – вот-вот – и веселая простая она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня – берегись! Не говори! А то пропадешь! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь, рассыплешься и долго потом рыбит у самого в глазах – эк, мол, ты куда. подлец, заехал! Химик!

Нет у меня ничего плохого – в этом смысле, чтобы это шло против людей. И какой бы мне суд не был, я буду отпираться – верней отказываться и защищаться, но знаю. что это бесполезно, потому что тогда подумают – раз человек что-то скрывает – значит совесть у него не чиста, и что-то на уме плохое. А это не то! Похожее, но не то! Рувок!..

Опубликовал это письмо Н. Стахов. И вот давний друг А. Гайдара, известный журналист Борис Германович Закс, работавший многие годы в журнале «Новый мир», вступает в мягкую полемику с публикатором на страницах того же альманаха «Минувшее».

«...Начну по порядку с письма, как такового. Публикатор не учитывает его специфику. А ведь это – письмо из психиатрической клиники. Отвлечься от этой его особенности означает исказить картину. Получится простое обычное письмо. Один писатель пишет другому, здоровый здоровому, равный равному. А на самом деле это не так. Пишет пациент из психиатрической больницы «на волю». Неизвестно в какой мере излеченный, на какой стадии выхода из кризиса находящийся. Н. Стахов, правда, упоминает о «тяжелом нервном расстройстве», которым Гайдар страдал еще с гражданской войны. (Значит, «тяжелым нервным расстройством» Аркадий Петрович страдал с 14-16-летнего возраста, ибо он с 1904 года рождения. То есть, значит, начало «тяжелого нервного расстройства» приходится на годы основной службы Аркадия Петровича Голикова в ЧОНе. – В. С.)

Продолжаем текст Б. Г. Закса. «Но что за этим стоит, он (Н. Стахов) не раскрывает. А речь идет о самом настоящем психическом заболевании, регулярно приводившем Гайдара в соответствующие лечебные заведения. Не так-то долго он пробыл на Дальнем Восто-

ке, меньше года, но за это время дважды побывал в психиатричке. Я тому свидетель и расскажу оба случая подробнее.

Мне пришлось за мою долгую жизнь иметь дело со многими алкоголиками – запойными, хроническими и прочими. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки. Он рассказывал, что детально обследовавшие его врачи вывели такое заключение: алкоголь – только ключ, открывающий дверь уже разбушевавшимся внутри силам. Конечно, верить Гайдару на слово – дело опасное, но этот его рассказ отвечает тому, что я видел собственными глазами.

Однажды мы (Е. И. Титов и я), жившие в одной редакционной квартире с Гайдаром, начали замечать в его поведении что-то неладное, какие-то тревожные симптомы... Мы знали о его болезни и принялись уговаривать, пока не поздно, обратиться в больницу. Наконец, после долгого сопротивления, он согласился. Втроем мы отправились на поиск психлечебницы. С трудом добрались. В вестибюле Гайдар сразу опустился на ступеньки и мы стали ждать врача. Вдруг по лестничной площадке верхнего этажа пронеслась завернутая в развевающуюся простыню фигура некоего бедуина, а за ним, топя сапожищами, два ражих держиморды – санитары. И тотчас раздался грохот и дикий вопль – это уже не видимый нами «бедуин» сорвался вниз с лестницы. А еще минуты через две те же сани-

тары протопали обратно с носилками, на которых лежал он, окровавленный и стонущий... Гайдар искоса глянул на нас и сказал: «Хорошие у меня товарищи, куда привели».

Пришел врач. Принял нас сухо. Выслушал, посмотрел на Гайдара и взять в больницу отказался. Он, видимо, не привык, чтобы к нему являлись добровольно и не набедокурив, а потому не признал Гайдара больным. Дорога обратно далась еще труднее. Гайдар еле передвигал ноги. У меня было время, я работал в ночной редакции, но Титову пора было сдавать в набор телеграммы, и он ушел вперед, оставив нас вдвоем. Едва Титов ушел, Гайдар начал нападать на него. Бессвязно, заплетающимся языком он обвинял Титова в том, что тот будто бы сказал: «Лучше бы вы со славой погибли в бою»...

«Вот... поповский сынок... небось, нарочно себе ногу навозными вилами проколол.. Я воевал, а он отсиживался... А теперь упрекать смеет...» (Титов сильно хромал).

Он производил полное впечатление пьяного, хотя не пил ни капли. Но еще не дойдя до дому, мы встретили несколько знакомых и, несмотря на мои возражения, они увели Гайдара к себе. Вернулся он в дым пьяным и с первых слов объявил, что убьет Титова. «Где он?» Тому, что Титов еще не приходил из редакции, он не поверил и отправился на поиски. Вошел в титовскую

комнату – никого. Тогда он, взяв стул за спинку, принялся ножками выбивать в окна одно стекло за другим, перевернул вверх ногами кровати, стол, стулья. Потом вышел в коридор и повернул к нашей комнате.

Смеркалось, света не было (хабаровская электростанция то и дело отключала ток). Дом наш стоял в глубине двора, позади сада, и я метался от Гайдара к воротам, чтобы подкараулить и предупредить Титова. В коридоре, ощупывая стены, стоял Гайдар с большой боржомной бутылкой в руке. «Где Титов? Я его убью!» – повторял он. Я начал его урезонивать, он невнятно ответил: «Уйди. У меня сейчас рука тяжелая». И тут же выбил бутылкой маленькое окошко, глядевшее из нашей комнаты в коридор. Пройдя в нашу комнату, повторил ту же процедуру: перевернул обе кровати и прочее... Позади нашего дома во флигеле жил Зайцев – секретарь ПП (кто нынче помнит, что значили эти две страшные буквы?), то есть Полномочного Представительства ОГПУ по Дальневосточному краю. Услышав шум, он выскочил на крылечко флигеля и заорал: «Что это тут происходит?..» И в тот же миг – ну прямо как в кино – непредсказуемая хабаровская электростанция дала ток и перед Зайцевым предстал в окне ярко освещенный Гайдар с поднятым кверху стулом. Потом они сидели в саду за столом и обменивались военными воспоминаниями... Потом Гайдар ушел в дом. Я сказал Зайцеву, что напрасно он пустил Гайдара одного. Сам-

то я уйти со своего поста не мог, чтобы не упустить Титова. «Это прекрасный парень, – воскликнул Зайцев в ответ. – Я за него ручаюсь. Мы, старые чекисты, умеем разбираться в людях». Тут раздался звон стекла – Гайдар добивал уцелевшее окно – и знаток людей проворно побежал в дом.

В этом случае ярость Гайдара была направлена во вне – на другого человека. Но видал я и иную ситуацию – когда эксцессы его паева были направлены на него самого.

Я был молод, ничего подобного отроду не видывал и эта страшная ночь произвела на меня ужасающее впечатление.

Гайдар резался. Лезвием безопасной бритвы. У него отнимали одно лезвие, но стоило отвернуться, и он уже резался другим. Попросился в уборную, заперся, не отвечает. Взломали дверь, а он опять – режется, где только раздобыл лезвие. Увезли его в бессознательном состоянии, все полы в квартире были залиты свернувшейся в крупные сгустки кровью... Я думал, он не выживет...

При этом не похоже было, что он стремится покончить с собой, он не пытался нанести себе смертельную рану, просто устраивал своего рода «шахсей-вахсей». Позже, уже в Москве, мне случилось видеть его в трусах. Вся грудь и руки ниже плеч были сплошь – один к одному – покрыты огромными шрамами. Ясно было,

он резался не один раз...

...Я увлекся и растянул свои мемуарные возражения. Но эти детали, по крайней мере, дают представление о том, кто послал письмо из Сокольников Рувиму Фраерману.

...Но вернемся к письму. Конечно, можно его толковать как угодно, можно зачислить Гайдара в некие инакомыслящие. Но он таким никогда не был, и никаких политических иллюзий ни в тексте, ни под текстом его письма к Фраерману я не вижу. Не вижу, чтобы речь шла о лжи в литературных произведениях. Зато в быту, в личных отношениях, в редакционно-издательских связях Гайдар был, мягко говоря, фантазером. И рассказы его нельзя было запросто брать на веру.

О чем бы речь ни шла, у него на все были разные варианты. В том числе и в собственной биографии. Ни одного эпизода он не повторял одинаково. Происхождение своего псевдонима всякий раз объяснял по-другому. Даже для исключения из Партии у него была не одна версия... В воспоминаниях я воспроизвел его рассказ о том, что его при демобилизации принимал сам Фрунзе. Прошло много лет, нашлись дневниковые записи Гайдара, и выяснилось, что принимал какой-то Данилов, чин третьестепенный... Не эту ли свою особенность он имел в виду, в письме к Фраерману.

Ведь письмо отличается надрывным, истерическим тоном... перед нами гиперболизированное самообви-

нение, самобичевание, столь характерное для маниакально-депрессивных состояний...

...Как Гайдар относился к тому, что принято объединять словом 37 год? Неясно. Я никогда не слышал от него ни единого словечка осуждения. Хуже того, из глубин памяти всплыл некогда в ужасе загнанный на самое дно эпизод: об аресте Сергея Третьякова Гайдар рассказывал со смехом. Какие-то подробности ареста показались ему смешными. Жестокие, бесчеловечные... Вспоминать тяжело...

Вообще я думаю, что у человека, который сам расстреливал, отношение к террору 37 года не могло быть адекватно нормальному...

...Террор не родился в тридцатые. Гайдар еще в Гражданскую войну насмотрелся всякого. Ведь дисциплина в Красной армии держалась на расстрелах. А Гайдар еще мальчишкой служил в ЧОНе. Думаю, что категория справедливости еще тогда перестала его интересовать. Только – целесообразность. И не знаю, считал ли он террор нецелесообразным».

...Теперь у нас есть некоторое представление о Хакасии вообще, о том благоденствии, которое царило там до прихода к власти большевиков, о насилии и ограблении населения продкомиссарами и повсеместном сопротивлении этому грабежу и о том, что это повсеместное сопротивление откристаллизовалось в боевой Горно-Партизанский отряд под командованием

Ивана Николаевича Соловьева и что в этом отряде гораздо более половины личного состава были хакасы, хотя сам Соловьев был казак, родившийся в селе Форпост. Это село, как, может быть, помним, образовалось из поселения там нескольких казаков, посланных Петром Первым для охраны соли, добываемой из Соленого Озера. Сначала поселение называлось Форпост, потом стало называться Соленоозерным, а теперь превратилось в имени Буденного.

Соловьев воевал против большевиков в армии Колчака. После того как красные победили, он возвратился в родные места, на реку Белый Июс, в пойму этой реки, в сопки, украшенные подтаежными березовыми колками, ярко светящимися, особенно осенью. Свои места Иван Николаевич беззаветно любил. И как ни уговаривали его потом, когда у него уже был отряд, уйти в Монголию и дальше в Китай, куда ушли остатки колчаковской армии, он никуда не захотел уходить из родных мест.

В армии Колчака он был то ли урядником, то ли хорунжим (я плохо разбираюсь в казачьих званиях, особенно в переводе их на общеармейские), но свои воззвания и приказы он подписывал: есаул Соловьев. Не думаю, что это было самозванством. Не надо осуждать его и за то, что он позволил себе, будучи командиром боевого отряда, носить погоны полковника русской армии. Ведь начальником штаба в его отряде был имен-

но форменный и законный царский полковник Алексей Кузьмич Макаров. Негоже было бы полковнику ходить под началом у есаула.

Романист Анатолий Чмыхало так представляет нам героя своего романа:

«Поджарый среднего роста, Иван был подвижным, ловким. Он смело выходил в круг бороться с дюжими казаками и, на удивление всей станице, неизменно побеждал своих соперников точной подсечкой, кидая их наземь через колено. И тогда яро клокотала, захлебываясь от дикого восторга, охочая до зрелищ станица. Чтобы, случаем, не опозориться, с Иваном предпочитали не связываться... А уж и было похвал, когда, вернувшись целехоньким с фронта, он вместе с однопольчанином Гришкой Носковым показывал на радостях настоящую казачью джигитовку. За станицу, за ее каменистый верхний край, выходивший на пригорок к кладбищу... люди хлынули по улицам торопливыми толпами и невозможно было пробиться к выбитому копытами кругу, по которому на сырмятных вожжах ходили, свирепо кося налитыми кровью глазами, лучшие в станице скакуны. Тогда на мухортом дончаке атамана Пословина, гордом и злом, как зверь, Иван проделал такое, чего отродясь не видывали казаки и даже не могли себе представить. В петроградском цирке, говорят, где собраны лучшие наездники со всего света, и то не всегда показывали этот смертельный номер:

на полном галопе человек кошкою прыгал с коня и колесом летел вкруговую, а потом, будто подброшенный стальной пружиной, легко взмывал в седло, чуть ухватив рукой смоляную конскую гриву. Даже старики, много видевшие на своем веку, которых, казалось бы, уже ничем нельзя удивить, и те невольно приседали и ахали от возбуждения:

«– Хват, якорь его, хват!

– Каналья!

– Ахфицером Ванюшке быть!»

Тогда еще не могли вообразить станичники, что быть Ванюшке не просто офицером, но командиром Горно-Партизанского, не покорившегося чуждой и жестокой власти, отряда и что ждет его иная известность, иная судьба, иная слава. Это ничего, что пока в Хакасии более сорока наименований (школ, библиотек, пионерлагерей, улиц, колхозов, клубов), связанных с именем Гайдара, а с именем Соловьева только Соловьевские горы в тайге да еще Соловьевский «Поднебесный зуб» – скала в тайге, где располагался его отряд, это все – ничего. Все еще встанет на свои места, и Россия (если только она возродится из затоптанности, изуродованности, исковерканности, обездуховленности) вспомнит еще и почтит должным образом своего верного сына, своего героя.

По существующей укоренившейся версии, Иван Николаевич после поражения Колчака возвратился в род-

ные места с намерением заниматься мирным трудом хлебопашца либо завести себе пару добрых рабочих коней и заняться извозом. Но неожиданно его (как бывшего колчаковца) арестовали и увезли в Ачинск. Из тюрьмы он бежал, что уже менее вероятно, и вновь вернулся домой. Но он понимал, что как беглому арестанту ему покоя уже не видать, и поэтому водей-неволей пришлось скрываться в тайге. Очень удобная версия для тех, кто хотел бы, чтобы в соловьевском движении не было политического оттенка. Но это тоже нигде не документировано. В беллетристическом тексте романа «Отложенный выстрел» приведен такой разговор Соловьева и царского офицера Макарова. Ему Макарова представила девушка Сима:

«— Это Макаров, бывший офицер...

— Почему бывший, — дернул шрамом Макаров, — я настоящий... И что же вы теперь намереваетесь делать? Как жить?.. Вы будете жить в одиночку?.. А если попытать счастье вдвоем? Простите, ваш чин?

— Старший урядник.

— Значит, казак. Послушайте-ка вы меня, господин старший урядник... Ничто нам теперь не поможет. У нас нет войска. Наша армия под натиском превосходящих сил ушла в китайские земли, в Монголию. Через Иркутск туда не пробиться... Ну так как прикажете жить?

— В Монголию наострились?.. Ждали там нас!

– Bravo! Вы мне нравитесь, урядник.

– Чего ворошить минувшее. Нету казачьего войска, нету и урядника... Все пошло к хренам!

– Монголия не курорт. Я еду с самыми честными патриотическими намерениями. Для борьбы с большевиками! Вам ясно?

– Бейтесь с ними тут».

Это заговорил уже настоящий Иван Соловьев, независимо от того, был ли он беглым арестантом или был просто несмирившимся, неподчинившимся, непокорившимся офицером русского казачьего войска.

К вопросу о фальсификации. Яркий пример ее мы выписали ранее, когда восставшие, измученные русские крестьяне были названы бандитами, а их кровавые усмирители – лучшими сынами партии, лучшими командирами, военачальниками, политработниками.

В те годы даже искреннейший, честнейший поэт России Сергей Есенин не избежал всеобщего заблуждения и гипноза. И в то время, когда по личным распоряжениям Ульянова (Ленина) уничтожались миллионы людей, начиная с царской семьи и кончая голодными мужиками, в то время, когда уже в начале 1918 года Ленин писал о необходимости «очистки земли российской от всяких вредных насекомых» (статья «Как организовать соревнование»), а под насекомыми подразумевались люди, не желающие работать на новую власть, на большевиков, и таких людей было 90% от

населения России, в то время, когда Владимир Ильич давал недвусмысленные четкие указания: «назначать своих начальников и расстреливать колеблющихся никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты», в то время, когда сельские дороги были усеяны трупами умерших с голоду, в то время, когда отдавались личные указания Ленина: «провести беспощадный террор», «чем больше мы успеем их расстрелять, тем лучше», в это самое время, точнее, об этом самом «человеке» Сергей Есенин писал: «Одно в убийстве он любил, перепелиную охоту». Нет, я не хочу сказать, что Есенин видел в Ленине кровавого убийцу, палача, а писал о нем, как о добреньком, смиренном дедушке с двухстволкой в руках. Нет. Пропаганда всех видов, находящаяся в руках захвативших страну, сумела создать этот образ добродушного интеллигента и создала его настолько убедительно, что в него поверил даже русский поэт с очень чуткой душой и с очень ранимым сердцем. Выдавать черное за белое, кровавое за белоснежное, короче говоря – зло за добро, ложь за правду – это лучше всего умела делать большевистская пропаганда, благо у нее не было оппонентов. Оппоненты были либо все уничтожены, либо боялись пикнуть.

А между тем приказы Владимира Ильича вовсе не похожи на перепелиную охоту.

Например, телеграмма Троцкому от 10 сентября 1918 года. «Удивлен и встревожен замедлением опе-

рации против Казани, особенно, если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце».

Телеграмма в Реввоенсовет Кавказского фронта 28 февраля 1920 года. «Смилге и Орджоникидзе. Нам дозарезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы...»

Уже после заключения мирных договоров с Эстонией и Латвией Ленин приказывал: «На плечах Балаховича перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100-1000 их чиновников и богачей.»

Или вторая записка: «Прекрасный план. Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов и помещиков. Премия: 100.000 руб. за повешенного». Не правда ли, какая веселая перепелиная охота!

Вот еще одна фальсификация образца уже 1990 года в «Литературной газете» в статье «Искупление», в статье о Соловьеве и о Гайдаре. Весь обзац выглядит так: «Традиционные методы борьбы с «белыми партизанами» ничего не давали. Для поиска новых путей ликвидации Соловьева, который держал в напряже-

нии и разорил громадную Енисейскую губернию с ее хлебом, скотом и золотоносными рудниками, в Ачинско-Минусинский район и был направлен Аркадий Голиков. Главные надежды возлагались на его дар командира (отозван из Академии!) и тамбовский опыт».

Это надо разобрать по крайней мере по трем косточкам. Во-первых, биографу Аркадия Голикова лучше, чем кому-либо должно быть известно, что никогда Голиков в академии не учился и, следовательно, отозвать его из академии было бы невозможно. Сразу же после того, как он откупался в крови тамбовских крестьян, его командировали в Башкирию. 10 сентября 1921 года по штабу войск Приуральяского военного округа был издан приказ за №11, во втором параграфе которого написано:

«Прибывший из штаба ЧОН республики бывший командующий войсками 5-го боевого участка армии по подавлению восстания в Тамбовской губернии тов. Голиков Аркадий Петрович назначается командиром отдельного батальона особого назначения Башкирской республики с 10 сентября».

Если кто поинтересуется у башкирских старожил (а уже передалось и следующим поколениям), то услышит, как приехавший в Башкирию Голиков со своим сослуживцем-чоновцем с двух тачанок из пулеметов расстреляли толпу непокорных башкир в несколько сот человек.

После этого злодеяния Голиков вскоре (нечего стало делать в Башкирии) переводится в Сибирь, в Красноярск, а конкретнее – в район Ачинска и Минусинска, в район действия Горно-Партизанского отряда Соловьева.

Вот только непонятно, как мог Соловьев держать в напряжении, а тем более разорить «громадную Енисейскую губернию с ее хлебом и золотоносными рудниками»?

Енисейская губерния была действительно громадна по территории и сказочно богата. Ну и как бы Соловьев со своим отрядом, численность которого колебалась от пятидесяти до пятисот человек и место действия которого не выходило за радиус в сто километров, мог ограбить целую губернию с ее хлебом, скотом и золотоносными рудниками? Куда же он девал бы награбленные тысячи пудов хлеба, тысячи лошадей и сотни тысяч овец? Закапывал в землю? Топил в Енисее? Чепуха. Эта масштабность деятельности Соловьева понадобилась, видимо, биографу Голикова, дабы придать побольше значимости своему персонажу.

На самом деле у Соловьева в пределах одного-двух уездов, а вернее, двух-трех десятков деревень была одна задача – помешать продотрядам, разверстке грабить крестьян. Да, продотряды отбирали у крестьян последнее пропитание, свозили его на ссыпные пункты, в общественные амбары, и, пока еще не успели от-

править обозами на железнодорожные станции, случилось, отряд Соловьева опустошал ссыпные пункты и раздавал хлеб обратно крестьянам. Если же хлеб или мясо забитого скота отправлялось уже обозами на железнодорожные станции, Соловьев нападал и на обозы. Впрочем, комиссары продрозверстки, большевики, не очень-то и заботились об отправке продовольствия, отнятого у крестьян: им важно было отнять это продовольствие, оставить население голодным и холодным, то есть, по их мнению, более беспомощным и покорным.

Так кто же «держал в напряжении и разорил громадную Енисейскую губернию с ее хлебом и скотом»? — продотряды, насчитывающие тысячи продкомиссаров и продагентов, рыскавших по всем деревням и держащих их всех под контролем, или небольшой отряд Соловьева, прятавшийся в тайге?

И если Соловьев «держал в напряжении и разорял», то почему же он пользовался неизменным сочувствием, симпатиями и поддержкой местного населения, и не только русских крестьян, но хакасов, называемых тогда инородцами? И почему же тогда в многочисленных секретных сводках, информациях, уже приводимых нами в достаточном количестве, то и дело читаем: «Отношение населения к Соввласти заметно ухудшилось на почве недостатка семян и отказа в выдаче семенного хлеба», «крестьянство относится к власти

РКП с недоверием и даже враждебно». Неужели крестьяне не смогли разобраться: кто их грабит – Соловьев или советская власть?

Одно правильно было в том абзаце о Голикове, который мы «разобрали» по косточкам, что «главные надежды возлагались на его... тамбовский опыт».

Но вообще-то говоря, для меня остается загадкой – зачем и почему восемнадцатилетнего расстреливателя командировали в Сибирь?

Енисейские, Ачинские, Минусинские пространства с их волостями: Аскизской, Усть-Абаканской, Усть-Фыркальской, Знаменской, Таштынской, Новомихайловской, Бейской, Шушенской, Кызыльской, Ужурской, Шарыповской и другими – были напичканы чоновскими отрядами, подчинявшимися центру ЧОНа в городе Красноярске. Количество чоновцев в регионе исчислялось не сотнями, а тысячами. Что же мог прибавить к этому один восемнадцатилетний чоновец, пусть даже и с кубанским, пусть даже и с тамбовским опытом?

Было бы понятнее, если бы его прислали сюда с его 58-м полком, было бы понятнее, если бы Красноярский совет ЧОН сделал запрос в центр: пришлите, мол, нам какого-нибудь Наполеона или Цезаря, который бы «пришел, увидел и победил». А то молодой (по летам) чоновец свалился на Красноярский ЧОН как снег на голову с расплывчатым предписанием дать ему должность не ниже командира батальона. Чтобы дать ему

такую должность, пришлось освободить от командования батальоном некоего Касьянова. Предписание центра хочешь не хочешь, а приходится выполнять.

Надо сказать, что обстановку молодой комбат оценил сразу и правильно. Он писал: «Большая часть местного населения поддерживает Соловьева, легенда о неуловимости Соловьева и его людей имеет под собой серьезное основание... всякие оперативные приемы, пахнущие стратегическим духом, здесь не приведут ни к чему»...

Но, с другой стороны, не привел ни к чему, как увидим, и весь кубанско-тамбовский опыт, накопленный чоновцем за предыдущие годы.

Ясно одно: красноярские чоновские власти запроса в центр о присылке к ним подкрепления не делали. А центр не мог в тонкости знать положение дел в Красноярском регионе. Значит, либо Голиков сам просился туда, где пока еще можно было пострелять (порасстреливать), либо, поскольку все на бывшей российской земле уже поутихло, придавленное железобетонной плитой большевистской диктатуры, то не знали, куда бы пристроить воинственного чоновца (или как от него избавиться?), и воспользовались тем, что вот еще... Соловьев... и хакасы его поддерживают и надобно их хорошенько проучить... А время начало потихоньку меняться. Нэп. Ленин уже в Горках в полном маразме, с разжиженным мозгом. Свердлова уже нет. Троцкий уже

не главнокомандующий. ЧОН как таковой себя уже исчерпал. Есть ОГПУ (а потом НКВД), а Голикову хочется еще пострелять... Соловьев в этом случае был просто находкой.

В Ачинско-Минусинский район (чтобы не употреблять словечко «регион») Голиков приехал с полным набором «тамбовских» средств. И главное среди них было – заложничество. Его взбесило, конечно, то, что никто не сочувствует, не содействует ему, как представителю новой власти, и что он оказался обложенным вокруг, словно ватой, недоброжелательностью, враждой, немотой... Нет, то есть, в быту хозяйка дома Аграфена Александровна, подавая ему ежедневно мясо, говорила: «Ешь, Аркаша, мяса у нас много» (теперь бы поискать мяса в крестьянских домах), но насчет Соловьева: «Я училась с ним вместе, хороший парень. И чего он в бандиты записался...»

Жители тех мест не просто симпатизировали Соловьеву, они в глубине души гордились им, втайне злорадовались, что Соловьев для чоновцев, вообще для советской власти недостижим. «Руки коротки». И радовались каждому успеху Ивана Николаевича со своим отрядом.

Очутившись в Минусинском крае, в частности в селе Соленоозерном, Голиков почувствовал, что вокруг него глухая стена.

Соловьев находил общий язык с любым хакасским

мальчишкой, знал о каждом шаге, о каждом шевелении мизинца Голикова, Голиков же о Соловьеве не знал ничего. А если и шел в тайге по его следам, то видел лишь лошадиный помет, коробки из-под патронов, лыжню, которая в конце концов обрывалась и никуда не вела. Голиков оказался во враждебной среде. И это его в конце концов взбесило. А средство было одно, испытанное, чоновское, троцкистско-человеконенавистническое средство – заложничество. Биограф Голикова в одном месте пишет: «Для меня, биографа А.П. Гайдара, самое удручающее в этой истории, что пленных в штабе второго боевого района (т. е. в штабе Голикова. – В. С.) били. Нагайка употреблялась, – подтверждал Голиков, – при допросах бандитов, при наличии улик. Но по тем временам это считалось естественным... Командиры ЧОНа имели полномочия брать в заложники семьи соловьевцев «со всеми вытекающими отсюда последствиями...»

Последствия вытекали одни и те же: вытекала кровь из заложников. Все время употребляется слово «пленные». Но какие могли быть пленные, если не было открытых боев? Если не было соприкосновений голиковского батальона с Горно-партизанским отрядом? А если и были соприкосновения (стычки) у других отрядов с чоновцами и если были пленные, то расстрел их был в порядке вещей.

«В деревне Ильтиковой произошел бой между бан-

дой и отрядом тов. Перевалова. Захвачено четыре бандита казака и расстреляны».

Обыденный эпизод. И никто Перевалову не ставил в вину, что он расстрелял четверых пленных..

А ведь официально – биографическая версия, по которой А. П. Голиков был в конце концов привлечен к суровой ответственности, состоит в том, что он самовольно расстрелял четверых пленных, а не отправил их в штаб. Эта версия с легкой руки советских биографов Гайдара перешла в другие «воспоминания». Борис Закс, к воспоминаниям которого мы уже прибегали, тоже поверил в эту версию.

«Один молодой «гайдаровед» нашел документы, подтвердившие такую, слышанную мной от него причину: за расстрел пленных. Нет, тут дело было не в гуманизме или отсутствии оного, а в нарушении прямого приказа – если попадут в руки пленные, доставить в штаб для допроса. Потом бы их, может, все равно расстреляли, но вина Гайдара была в том, что он расстрелял не допросив».

Скажу от себя – наивная розовенькая версия, не дающая правильного представления о характере действий чоновского отряда в те времена.

Другое дело – заложники, то есть мирные жители деревень и улусов. Голиков хватал десяток-полтора жителей того или иного улуса, предпочтительнее женщин среднего возраста, и объявлял: «Если не скажете, где

скрывается Соловьев, утром всех расстреляю». И на самом деле расстреливал. Вспомним, как мне рассказывал Миша Кильчичаков о шестнадцати заложниках, просидевших ночь в бане. Утром Голиков выпускал их по одному и стрелял в затылок. Или как он объявил одному аилу: «Если не скажете, где скрывается Соловьев, расстреляю весь аил». И действительно выстрелил всех, и женщин и стариков и детей, в одну линейку и всех перекошил из пулемета. По одной версии 86 человек, по другой – 134.

А еще рассказывают эпизод, как он на глазах у бабушки застрелил ее внука, молодого хакаса. Бабушка потом со стены соскабливала мозги внука, чтобы похоронить вместе с телом.

А еще рассказывают, как он в одном аиле трупами расстрелянных доверху набил деревенский колодец.

Возможно, что после донской, кубанской, крымской, кавказской, тамбовской мясорубок эти меры казались чоновцу – в порядке вещей. Возможно, он удивлялся даже, что его осуждают за эти меры.

12 февраля 1991 года в хакасской газете «Ленин чолы» (должно быть, «Ленинское знамя») была опубликована статья Г. Итпекова. По-хакасски я не читаю и запросил перевод этой статьи. Но, оказывается, ее прочитала студентка Абаканского педагогического института Сазаканова Нина. Прочитала и, в свою очередь, написала о своих впечатлениях. Цитируем Нину Сазаканову:

канову.

В своей статье Г. Итпеков пишет о недопустимом отношении А. П. Гайдара к ни в чем не повинным хакасам. Так и называется статья «Гайдар – Хайдар. О двух лицах одного человека». Об этом раньше никто не говорил, лишь меж собой, возможно очевидцы со своими близкими, делились этим... действительно рано или поздно все со дна всплывает на поверхность. Да, снег должен весной растаять, как бы он хорошо ни скрывал всю грязь, делая все одинаково белым.

Г. Итпеков размышляет, как же теперь нам относиться к известному Аркадию Петровичу: как к Гайдару или как к Голикову, который в сердцах наших предков навсегда остался Голиковым – убийцей... У меня в сознании это никак не совмещается: автор милых детских произведений и командир отряда ЧОНа, который безжалостно обращался с невинными людьми, просто-напросто топил их в пруду. Кто-то скажет, что все это выдумки, но есть аргументы, от которых не уйдешь».

(Только не в пруду, милая Нина Сазаканова, а в Соленом Озере и Божьем Озере, запихивая людей живыми в прорубь под лед. – В. С.)

«Он призывал бороться с лазутчиками, – продолжает студентка третьего курса пединститута, – распознавать их. Ненавидел и жестоко наказывал тех, кто был связан с бандой и помогал ей.

Мне думается, что Аркадий Петрович в лазутчиках

подозревал ни в чем не повинных, отсюда и идет расправа с теми людьми».

Статья в газете «Ленин чолы» за 12 февраля 1991 года.

(«Ленин чолы» – областная национальная газета на хакасском языке, официальный орган Хакасской автономной области. Сегодня орган республики Хакасия в составе России. Выходит под названием «Хакас чир!»).

Под рубрикой «ЖИЗНЕННЫЕ ДОРОГИ»

Гайдар – Хайдар?

(два лица одного человека)

В январе 1946 года, когда у меня заболели глаза, меня отпустили из военно-пехотного училища. Вернувшись, немного жил в улусе Осхоль. Однажды мне в руки попал портрет Гайдара, хорошо нарисованный. Я его, чтобы лучше видно было, перерисовал на большой лист ватмана. Затем показал оба рисунка матери. Спрашиваю: «Я правильно перерисовал? Похожи ли рисунки?» Мать, увидев, вздрогнула, посмотрела вверх и говорит: «Этот человек сильно на Архашку Коликова похож». Я сразу поинтересовался, откуда мама знает Гайдара, почему его хорошо не зная, называешь так нехорошо: Аркашка? (Когда она говорила фамилию Коликов, я даже не понял о ком). После моих вопросов услышал следующий рассказ:

Мы, мама, старшие братья Агафон и Осип в улусе Хулюлыг Хайа жили. Агафон председателем волостно-

го Совета был. А Осип помогал в делах Совета.

Тяжелое время было. Красные с белыми начали драться. Сегодня в аил белые придут, начинают всякое-такое, скот резать и прочее. Завтра это же проделывают, и еще хуже, красные.

Плохо было людям, особенно Агафону Федоровичу. В это время в деревню чоновцы пришли. А их начальника к нам Агафон привел, чтобы жил у нас. Он сильно молодой был. Имя Аркадий. Но почему-то его все в деревне Архашкой звали. Так мама познакомилась с Голиковым. Они оказались ровесниками. Мама, Татьяна Федоровна (по-хакасски Тарус) гостю-начальнику чистила одежду и мыла грязные сапоги, а когда не было в доме бабушки, еще и очень хорошо кормила его. Тарус в то время не знала еще по-русски хорошо. Поэтому общение было в основном с помощью жестикуляции рук. Иногда, когда забудет фамилию и несколько слов по-русски, смеялась и говорила: «Архашка, хайдар?» А он в ответ откликался как на фамилию, даже нравилось ему больше, просил его называть так.

В это время перед чоновцами поставили задачу непременно поймать и уничтожить Соловьева. Поглядев на портрет, мать что-то еще хотела сказать, но, сглотив, промолчала. А ее спросил еще, почему Голиков Аркадий людей, лошадей, скот пасущих расстрелял, всех уничтожить хотел, но не застал всех. Правда ли это? У нас хакасы отдали часть скота белым, как не от-

дать людям с ружьями и вооруженным. Он их, правда, допрашивал, говорит, помогали белым. Без суда сам расстреливал, шашками рубил и под лед сам их трупы прятал. Без вины хороших людей стрелял-рубил, под лед свою вину спрятать хотел, не смог. Совсем не по-людски вел себя Архашка.

В Биригчуле, когда я там жил, в это время отмечала страна А. Гайдару 80 лет. В эти дни я написал письмо Гайдару Т. А.. Сыну написал про случай с портретом и с матерью, и как хакасское слово Хайдар (куда ты) родилось и превратилось в Гайдар. Не знал адрес, написал в Союз писателей СССР.

Немного позже пришел ответ. Тимур поблагодарил меня за сведения об отце (я не написал об его расстрелах и убийствах, кого и сколько он без суда и следствия уничтожил людей). Но он не поверил в хакасское происхождение фамилии Гайдар. Тимур написал, что он мало знает о днях пребывания отца в Хакасии. Дал совет найти журнал «Знамя» за 1984 или 1985 год. Вот там написано о жизни отца и о появлении фамилии.

Дать ответ я хотел Т. А. Гайдару и посоветовался с Алексеем Васильевичем Янгуловым, он когда-то работал с братом матери в волсовете. Когда я закончил вопрос, старик вскочил, еле отплевался и побагровел от ярости. «Этот черт (айна, в смысле нечеловеческое существо – перевод) сколько невинных хакасских, русских людей сгубил. Сколько сам расстрелял, порубил

шашкой, под лед запихал с солдатами и сам, невинных от себя под лед».

Много Алексей Васильевич рассказывал о нем и ни разу не назвал Гайдара человеком и именем человека, не имею права, говорит, называть, не человек он, хуже черта. Он поведал о воспоминании, пришедшем в голову, – рассказ чекиста, бывшего с заданием в Соловьевском отряде, Михаила Чарочкина (имя отца Михаила не помню уже). Соловьев, когда узнал о Голикове, о том, что тот расстреливал без суда и следствия хакасов и первый раз спускал под лед, «Теперь, – сказал Соловьев, – хакасы все ко мне в отряд придут, больше никто не поверит чоновцам». Да и правда, многие солдаты красные убежали и хакасы тоже к Соловьеву, любили его, спасались от смерти.

В шестидесятые годы у меня умер зять. Приехал я на сорок дней в улус Поос Шарыповского района, в улус, где я родился. Немного позже пошел половить рыбу на наше озеро и позвал с собой Семена Епифановича Тюндештеева. Когда мы сидели на помосте из фанеры, он нахмурился и говорит: «Гриша, а может, мы сейчас сидим на костях наших людей, убитых Голиковым, хакасских людей. Ведь и в это наше озеро, народ говорит, под лед сам лично пихал почти живых людей еще. Много, очень много, шибко много. Я, как и другие односельчане, давно здесь не ловлю рыбу и никто не ест рыбу этого озера. Хоть и хорошая она, жирная».

Много в это время узнал об отце Тимура, но не стал писать сыну о делах отца. Ведь по нашим законам за дела отца не должен сын нести ответственность. Вот таким был и такими делами прославился красный командир Аркадий Голиков. И теперь не знаю, почему в Орджоникидзевском районе деревню надо мне называть Гайдаровск, присвоили имя его. Проклятое имя дали деревне. Надо по-хорошему этой деревне настоящее, людское имя старое вернуть.

Да, я очень думаю седой своей головой, что детский писатель А. Гайдар известен миллионам детей с хорошей стороны. Его книги знают во многих странах мира. Они учат детей быть хорошими, учат добру и справедливости. Эти книги и я много имея перечитываю. Думаю, правда, автор хорошо пишет о детях. Да и много времени уже прошло с тех пор. Но думаю, что Гайдар – писатель и Голиков – красный командир это два разных человека. Один людей справедливости и добру учит. Другой этим людям шею резал, души вынимал – без людских похорон уничтожал (можно перевести как душегуб, не только тело, но и душу уничтожал). Страшно не быть погребенным, душа вечно будет тревожить, беспокоить родственников.

Изо дня в день умирают люди, знающие плохие дела Гайдара, нечеловеческие дела Голикова. Эти дела и события будут знать лишь те люди, кому отцы их рассказывали. Да и мы скоро уйдем в другой мир – стари-

ки и старухи. Как я сейчас. Нам тоже уже мало дней осталось на этом свете. Поэтому от сердца и головы седой мысли идут здесь высказанные. Людям расскажу и там буду, в другом мире рассказывать.

Григорий ИТПЕКОВ.

Переведено с хакасского в сентябре 1993 года.

От переводчика – Перевод калькированный, то есть не литературно-обработанный, почти слово в слово. При переводе чувствуется, что статья была подвергнута серьезному редактированию, которое не смогло до конца сгладить углы даже с точки зрения 1991 года. Хотя некоторые понятия стали расплывчатыми и разорванными. Но боль и основные мысли человека сохранились. Возможно, убраны цифры убитых лично Гайдаром, как не имеющие документального подтверждения. Автор ныне жив, не боится, со слов знающих его, репрессий со стороны российских властей – перед небом в любом виде предстану честным.

Еще один документ попал нам в руки.

Георгий Федорович Топанов, известный хакасский писатель, пишущий как на хакасском, так и на русском языках. Ныне пенсионер, проживает в городе Абакане. Нижеприведенная статья хранится в литературном фонде ХакНИИЯЛИ, написал в январе 1991 года. Разослана по очереди в 4 (четыре) местные, в том числе на хакасском языке, газеты и 2 (две) краевые, также в журналы, как республиканские (местные), так и регио-

нальные. Отовсюду пришел вежливый, понятный ему, но без объяснений, отказ, «извините, пока напечатать не имеем возможности, поймите правильно».

ЖИЗНЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЕЙ РОДИНЫ

Начну с самого начала. Первые впечатления детства печальные, трагические, потому и теперь они вспыхивают яркими картинками, что заставляет меня и сейчас закрывать глаза, чтобы не видеть.

Ранним весенним утром 1922 года в наш аал Тогыр Чул, что прилепился к отрогам Кузнецкого Алатау, въехало пятеро вооруженных всадников. Остановившись на дороге, они позвали моего отца, стоявшего у калитки. Я играл в соседнем дворе. Побежал на шум. Кричал один из всадников на моего отца. Это был высокий, совсем молодой парень. На голове папаха, очень нам знакомая по фото и картинкам времен гражданской войны. Она была сдвинута набок. Таким мне запомнился легендарный герой, «всадник, скачущий впереди», красный командир Аркадий Голиков-Гайдар. Он размахивал нагайкой. Потом он выхватил маузер, выстрелил. Отец упал. Раздался еще один выстрел. Всадники тут же развернулись, ускакали по дороге. Помню, я присел около отца, смотрел на его окровавленное лицо. Вот и все, что помню об отце. Потом говорили, что наша бабушка собирала мозги своего сына в деревянную чашку...

Поскольку современные биографы Гайдара (Голи-

кова) прямо-таки тоскуют по документированности поступков Голикова-чоновца, представим еще несколько если не документов, скрепленных печатью (таких документов чоновцы после себя не оставляли), то свидетельских показаний. Вот краткое содержание радиопередачи «Ачбан Салгачы» (перевод с хакасского). Передача прошла 20 октября 1993 г. от 7 ч. 38 мин. до 7 ч. 56 мин. Пленка хранится в архиве радио. Диктор И. Шоева. Редактор А. Кызыгашев. Говорит Е. Г. Саможинов:

– Видел сам. Моего родственника, 12 лет, который играл железным шомполом, увидел Голиков. «Что это такое? Где взял? Ты, наверное, связной?»

Мальчик ничего не мог ответить. Наверное, он даже не знал, что такое – связной. В ярости Голиков шашкой зарубил мальчика.

Топанов:

– Он не только маленьких, но и стариков не любил, убивал. Рубил и в воду приказывал кидать, кровь всегда в озере красная была. А. Н. Мохов – из улуса Мохов на Уйбате. Ночевал у них русский солдат. Утром Голиков зашел, увидел его, сказал «предатель», и мать и солдата застрелил из нагана.

А. К. Килижекова:

– Нам говорят, что Соловьев бандит, а Голиков герой. Для хакасов Голиков настоящим бандитом был, а Соловьев нет.

И. П. Янгулов:

– Я видел Соловьева, сам в форме, с шашкой и наганом. Он разговаривал с Итеменевым Н., Янгуловым Н. – эти люди не были солдатами. Соловьев ушел. Голиков пришел. Этих двух почитаемых людей расстреляли без суда и следствия, как пособников бандитов.

А. Н. Янгулова:

– У нас в Сарале было собрание. Трофим Янгулов сказал, ваш Голиков весь хакасский народ уничтожить хотел. Его в милицию увели – 10 лет тюрьмы дали.

А. Т. Тайдонова:

– Мой отец Конураков – он не был бандитом, его убили за то, что правду говорил о Голикове.

И. В. Аргудаев из улуса От Коль:

– У Голикова приказ был, я знаю от матери, если в семье даже один сочувствовал Соловьеву, Голиков всю семью вырезал. Например, озеро Большое... каждый день и ночь люди, красные люди, ученые люди, русские люди шее хакасов камни привязывали, пули-свинец берегли, живых в прорубь пихали. Весной сотни трупов – людей, обезображенных рыбой, всплывало. У нас хакасы до сих пор в озере рыбу не ловят, не кушают. Говорят, на человеческом мясе жир нагуляла. Голиков хакасов Шарыповского района, Ужурского района всех перерезал, даже сейчас их там больше не живет.

А. К. Килижекова:

– Мать говорила, почему хакасы Соловьева любили. Ночью Голиков с отрядом много хакасов привел к озеру. Камни привязал, на лед положил. Но спустить под лед сил не хватило у красных. Устали.

Соловьев пришел. Голиков бежал. Соловьев сестер-братьев позвал, говорит хакасам, я вам брат. Забирайте, лечите своих родственников. Поэтому люди добро такое вечно помнят. (Сергей Михайлович Тодышев обогатил этот эпизод чудовищной подробностью. Оказывается, чоновцы оставили связанных хакасов на льду до утра не потому, что устали, а потому, что это было кануне дня рождения А. Голикова. Вот он и хотел ознаменовать этот день истреблением десятков людей. Однако ночью налетел Соловьев и освободил полуживых заложников.)

А. Кызыгащев:

– В 1922 году в улусе Арбаты подручный Голикова, красный командир Лыткин в доме собрал «собрание» из людей, было всех 30 человек от 5 до 35 лет. Красный отряд стрелял и рубил, пьянел от крови. Пихали в колодец. Набили трупами не один, а почти все колодцы. Лишь один из 30 спасся – живой, но говорить отказывается. Прокляли люди Лыткина. Да еще ставят его рядом с Голиковым. Это два друга.

Еще фрагменты, отрывки, строки, абзацы.

«Обзор деятельности Советских учреждений с января по 1 августа 1920 года.

Стр. 9. 1 июля 1920 года организован Губподотдел принудительных работ.

Стр. 10. Сразу же при установлении Советской власти в 1920 году организуется Красноярский концентрационный лагерь и концлагерь в г. Ачинске. Заключение подразделялись на три категории:

1. Злостные
2. Незлостные.
3. Надежные.

Стр. 11. Концлагеря в состоянии удовлетворить 1/3 требуемых работ.

Стр. 20. В отделе юстиции создан карательный подотдел.

ПРИКАЗ. №24-К
от 3 октября 1922 года.

«Ввиду безвыходного положения с продуктами заложникам брать муку не менее, чем на два месяца. Родственникам заложников обеспечивать мукой и продовольствием. Ввиду необеспечения или кормежки заложников предоставлять материалы на них в чрезвычайную тройку для принятия самых решительных мер по законам военного времени и карать».

Приказ
от 27 сентября 1921 года

...Все бандиты объявляются вне закона и подлежат уничтожению. Бежавших в лес и не явившихся с повинной бандитов арестовывать и имущество обязательно

конфисковывать.

Подписано:

предгубчека ЛЕПСИС

ком. всеми вооруженными силами нач. див. Тергу-
чев.

ПРИКАЗ №8

от 20 марта 1922 года

§2

...Пусть знают все, что Советская власть карает бес-
пощадно.

§3

Пособников и родственников бандитов без суда и
следствия передавать ревтрибуналу.

Подписано: МИЛЬШТЕЙН.

ПРИКАЗ №14-К

от 21 августа 1922 года

§2

Для устрашения объявить населению и сообщить
фамилии заложников для широкого распространения
фактов взятия из семей бандитов и инородцев. обя-
зательно давать письменные объявления по селам о
факте расстрела заложников.

Подписано:

Ком. вооруженными силами

Ачминбойрайона КАКОУЛИН

зам. комчон губернии

ДАШКЕВИЧ.

Пункт 5.

Установить немедленно учет всех ушедших в банды и если таковые окажутся, то военное командование совместно с местными Советами производят аресты заложников, конфискуют имущество и распределяют по беднейшим.

Замкомчонгуб

КАКОУЛИН.

Там же, л. 48

Не вести переговоров с инородцами о заложниках, а карать беспощадно по всем строгостям Советского закона и принимать самые решительные меры.

Телеграфное сообщение секретаря Минускомпарт
т. МУХИНА

4 марта 1922г.

**Из доклада начальника Иркутского управления
войск Всеобуча
от 30 апреля 1921 г.**

«...Инородцы качинские и кызыльские являются в прямом случае виновниками бандитизма. Они все государственные преступники. В целом инородцев (качинский народ) вышестоящие органы предложили: первое, полностью вырезать, второе, выслать из пределов Енисейской губернии...

...В виду того, что данные инородцы не помогают ликвидировать банду Соловьева, начальнику особого отдела Ковригину дана команда о выполнении прика-

за осуществить навсегда выселение всех инородцев из пределов Енисейской губернии.

Ачинский филиал ГААК. Ф. 1697, оп. 3, д. №-16, л. 18.

Созданы при крупных селах лагеря заложников. В лагере в селе Подкаменная инородцев, заложников было – 127. Расстреляно – 19, осталось – 108, в основном женщины и дети.

Л. 7.

В лагере заложников 108 человек (в селе Ужур) 27 августа 1922 г. (чрезвычайная тройка по ликвидации бандитизма Червяков, Кузнецов, Городинский), расстреляно в первой группе 19 человек, во второй – 37. Всего было 160 человек.

Передана записка из партизанского отряда Родионова: «Если вы расстреляете семьи партизан, я Родионов перевешаю ваших красноармейцев на берегах. 17.10.22.»

Л. 16.

Разговор по телефону председателя чрезвычайной тройки с секретарем Енгубкома т. Чеплиным: работа чрезвычайной тройки принимает характер затяжной в смысле заложничества, из 98 заложников (в основном инородки с детьми) расстреляно за три месяца 37 человек.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА №-014/К

от 21 августа: 1922 года.

«Напоминание об обязательном объявлении насе-

лению района о расстреле заложников.

За нападение на гарнизон Туима банды Соловьева и убийство ими красноармейца, на руднике Юлия расстрелять заложников:

1. Аешину Александру (26 лет);
2. Тоброву Евдокию (24 года);
3. Тоброву Марию (17 лет);

За убийство в с. Ужур зампродкомиссара т. Эхиль расстрелять заложников:

1. Рыжикова А. (10 лет);
2. Рыжикову П. (13 лет);
3. Фугель Феклу (15 лет);
4. Монакова В. (20 лет);
5. Байдурова Матвея (9 лет);

§2.

Для широкого распространения в объявлении населению сообщить только фамилии заложников.

Подписано:

ком. вооруженными силами Ачминбойрайона
и замкомчонгуб
КАКОУЛИН.

Там же, л. 9. За убийство командира бандой Кулакова по решению чрезвычайной тройки расстрелять:

1. Тайдокову Анну (18 лет);
2. Кидиекову Марию (15 лет);
3. Кокову Т. (11 лет);

Подписано:

КАКОУЛИН.

ф.16, оп.1, д.96, л.1-4.

Список граждан, осужденных за восстание в Серезе 1-5 ноября 1920 года. Всего — 185 человек. Приговорено к расстрелу — 76 человек (из них 5 белогвардейцев), в основном безграмотные, малограмотные; к 20 годам — 45 человек; к 10-ти годам — 54 человека; к 5 годам — 10 человек; Конфисковано имущество из 125 хозяйств, в среднем из хозяйства 1 жер., 1 корова, 1 теленок, 2 овцы, 2 саней, 1 телега, хомут 2, одеяло 2, 1 плуг, 2 бороны.

Там же, л.40.

Конфискация на основании «Декрета о реквизициях и конфискациях» Совета нар. комиссаров. Кремль. Москва. 16 апреля 1920 года.

Подписано:

ЛЕНИН, БОНЧ-БРУЕВИЧ.

Там же, №-49.

Конфисковано из села Серез: ржи 6236 п., пшеницы — 5516 п., овса — 3 176 п., ячмень — 67 п., горох 10п., муки — 1 025 п., масло — 19п., 18ф., сало — 11 п., 31 ф., яиц — 1 490 шт., мед 24 п., 25 ф., табак — 9 п., коров дойных — 81 шт., нетелей — 25 шт., быков — 14, свин — 11, овец — 62, лошадей — 197, жеребят 8 шт., кур — 33, гусей — 15 шт., уток — 1,32 куля, 173 матраса, ситец — 137 м., холста — 403 м., шубы ям. — 57, дождев. 41, пальто женские 74, брюки — 94, платья — 64, рубах — 38, кож.

сп. – 494, кон. кожа – 22, соб. кожи – 57, сырые кожи – 101, сыр. л. к. 63, овчин 238, хомут – 276, седел – 196, узда – 200. дуг – 154, перетяжек – 115, вож. – 146, муж. сан. 49, фузел-20, громофон-3, 1 невод, тес – 316 шт.. ножовки-22, инструмент столярн. 5 шт., слесари. – 2, мед. – 1, вилы – 3, топоры – 31, рамы, зеркала, ножницы – 9, бритвы – 4, полотенец 254, подушки – 11, ска-терти – 40, мясо – 30 п., коробки, серебро —15 изделий, золото – 46 изделий (кольца, серьги, самовары, цепочки), дождевик, ножи.

Все село Серезж богатое, но есть бедняки и середняки. Восстание поддержало все население. Подавлено оно только с помощью артиллерии и частей Красной Армии, полностью окруживших село. Повстанцы дрались до последнего. Кончились патроны, дрались палками и вилами. Растерялись и потерпели поражение (л. 107).

С. 23.

Ликвидация имущества церквей. Драгметалл в фин отдел, медь в Совнархоз, другие материалы в Сособез, масло и продукты питания в Губпродком.

С.24.

Губернком, Ликвидационная комиссия: земли монастырей в Губернии отобрано 9 506 454 каз. дес., капиталла деньгами – 1 981 098 р. 89 коп.. проч. бумаг 457 445 р. 54 коп.. в сберкассах 111 587 р., дензнаками – 348 461 р., всего – 2 898 592 р. 43 коп., передано в Гос-

банк по Ачинскому уезду 21 515 р. 80 коп – (дензнак.), по Минусинскому уезду – 19481 р. 80 коп. (дензнак.)
Общий доход не считая земли от ликвидации церковного имущества исчисляется десятками млн. рублей.

С. 29.

Созданы карательные учреждения: 1. Общие места лишения свободы. 2. редарматорий (17-20 лет). 3. земледельческие колонии. 4. карательно-лечебные учреждения, психиатрические больницы, тюрьмы и изоляторы.

* * *

Эти песни, исполняемые под чатхан, записаны в глубинке Ширинского района у кызыльцев. Их нужно считать уникальными. Они сохранились благодаря записям и обработке Бориса Кокова и его жены Марии, похакасски Хызан-иней. Все они до сих пор традиционно запрещены. Мы имеем, кроме буквальных, как бы подстрочных переводов Каркея Нербышева, эти песни и на хакасском языке (в русской транскрипции), но здесь, в сокращенной публикации, хотим ограничиться собственной, в меру художественно-поэтической обработкой их. Каркей Нербышев жалеет, что именно при переводе песни на другой язык или при прочтении ее глазами нельзя передать боль и стон народа, которые пол-

ноценно звучат только при исполнении песни и только на том языке, на котором она родилась. Действительно, разве мы получили бы полное представление о любой русской песне, если бы не слышали, как ее поют, а просто читали бы слова. Не говоря уж о переводах.

* * *

Шесть дорог меня вдаль ведут,
Как найду я дорогу свою?
Шесть напевов во мне живут,
На каком я песню спою?

Тяжело коню под седлом,
Кто облегчит ношу коня?
Соловьев покинул свой дом,
Он спасет, защитит меня.

Семь извилин на долгом пути,
По какому из них мне идти?
Соловьев мне брат и отец,
Я теперь у него – боец.

Разве самый плохой из коней
Тот, что мне подарил отец?
Из сражающихся людей
Разве самый плохой я боец?

Если бы не белела гора,
Откуда бы светлые реки текли?

Если бы не было Соловьева – орла,
На что бы надеяться мы могли?

* * *

Белогорье сияет своей белизной,
Не загрязнит его чужая нога.
Соловьев не хакас, но он с нами душой,
Чистой, как эти снега.

Никогда не растаять в горах снегам,
А в реке не иссякнет вода.
Соловьев не хакас, но хакасам, нам,
Не изменит он никогда.

Вдали белеющий тасхыл
Вершиной светлой знаменит.
Пусть Соловьев и русским был,
Он моему народу мил.

Вдали синеющий тасхыл
Вершиной синей знаменит.
Пусть Соловьев погиб, убит,
Своей душой он с нами был.

Высоко стоит белогорье
Соловьева гнездо, орла.
Русский, с нами делил он горе
И душа его с нами была.

Буйный Июс за спиной у нас,

Земля отцов за спиной у нас.
Мы покинули мирный родной очаг,
Разорил его лютый враг.

Но винтовки меткие у нас за спиной,
Каждый патрон – береги.
Мы в родной тайге, Соловьев, с тобой
Прячемся, как враги.

Но ружье в руке, а пуля в стволе,
И сабля острая на боку.
С бесчинствующими на родной земле
Не сражаться я не могу.

* * *

Наш Июс, большую реку,
Что в зеленых лугах течет,
Я, пожалуй, переплыть не смогу,
Но народ ее переплывет.

Что ни день, то за смертью смерть,
Грабят нас за бандитом бандит.
Победить их мне не сумеешь,
Но народ их всех победит.

Комиссары ограбили нас,
Кровь течет, как река Июс.
Но пока Соловьев за нас,
Я бандитов тех не боюсь.

Белыми цветами земля цвела,
Трава по лугам, как шелк, была.
Песнями наполнялась моя страна,
Плачем и стоном она полна.
От тебя весь стон,
От тебя весь плач,
Голиков-палач.

Тихим ветром дышала страна матерей,
Журчала реками наша страна.
Полной чашей была страна матерей,
В крови и пепле лежит она.
Опустошил ты землю красивую нашу,
Кровью ты залил ее, Аркашка.

Направо, налево ты стреляешь и рубишь,
Мой добрый народ беспощадно ты губишь.
Отольются тебе наш стон и плач,
Голиков-палач.
Отольются тебе все слезы наши,
Будь ты проклят, палач,
Аркашка.

Стар и млад убиты тобой, убиты,
Под корень ты рубишь, хакасов, нас,
Не похоронены мы, не зарыты. Но наступит
отмщенья час.
Долетят до тебя проклятья наши
Носитель черной души, Аркашка!

О, мой конь гнедой, что меня носил,
Где же ты и где же твое седло?
Час последний мой наступил,
На расстрел ведут за село.

Где же ты, Соловьев, в золотом седле,
За тобой я как за стеной.
Больше мне не жить на земле,
Где же ты и твой конь золотой?

Где же острая шашка твоя,
Где винтовка твоя, командир?
Расстреляли вчера тебя,
И остался я в мире один.

Но придет это время, придет,
Среди наших белых берез.
Отомстит хакасский народ
За море крови, за море слез.

Сокол крепкогрудый, ветра побеждающий,
Бурана не побоится.
Соловьев, народ защищающий,
До последнего будет биться.

Положили меня на озерном льду,

Около проруби положили меня.
В чем спасенье свое теперь найду?
С камнем в воду бросят меня.

Затолкают меня под лед,
И никто меня не спасет.
В этот миг последний жизни моей
Налетел на врагов Соловьев.
Разметал кровавых он палачей
Разметал их, как воробьев.
Стал ты мне, Соловьев, роднее отца
Буду верен тебе до конца.

Романо-беллетристическая версия действий Голикова по ликвидации отряда Соловьева такова. В конце концов Голиков тайно завербовал себе на службу молодую хакаску Настю Кукарцеву. Ее отец, как только установилась в Хакасии власть большевиков, сразу же вступил в партию и даже стоял во главе комячейки. Когда пришли колчаковцы, они секретаря комячейки (естественно) ликвидировали и будто бы вместе с женой, и дочка Настя будто бы это видела. Поэтому она воспылала ненавистью ко всякому белому движению, поэтому она пошла якобы на службу к Голикову против Соловьева. Ну, что же, довольно правдоподобно. Никто не мог бы заподозрить молодую хакаску в пособничестве чоновцам, вообще большевикам, и она в конце концов разведала, где находится в тайге база

Соловьевского отряда, а именно на горе «Поднебесный зуб». Таким образом. Голиков теперь уже знал, где располагается Горно-Партизанский отряд имени Великого Князя Михаила Александровича. Только это ему и было нужно. Непонятно, правда, зачем он эту Настю шесть раз посылал в «ставку» Соловьева, пока соловьевцы ее не заподозрили и не повесили на березе, пока Соловьев И. Н. лично саблей по одному не отрубил ей все пальцы. Но это уж такая «липа», в которую здравомыслящий человек поверить не может. Соловьев даже задержанных случайно милиционеров отпускал живыми (правда, обезоруживая), и вовсе не в образе Соловьева, носящего погоны царского полковника и начинающего день с молебствия, истязать молодую хакаску.

Как бы то ни было, по романо-беллетристической версии. Голиков, узнав, где располагается отряд Соловьева, штурмовал гору «Поднебесный зуб», разгромил отряд Соловьева, и этот штурм считается концом всего дела. Советский фильм-боевик обо всем этом, исполненный чудовищного вранья и фальсификации, так и называется «Конец императора тайги». Особенно удивляют последние кадры фильма. Соловьев (уже почему-то не в тайге, не на «Поднебесном зубе», а в степи) почему-то в полном одиночестве уходит (почему-то пешком) от Голикова, и Голиков прицеливается, чтобы поразить Соловьева в спину, но в это время из ранца —

короба на спине Соловьева выглядит резвая белокурая девочка, и командир чоновского отряда, спроецированный создателями фильма на будущего детского писателя Гайдара, опускает винтовку и дает возможность командиру Соловьеву уйти.

Создатели фильма-липы вынуждены были оставить Соловьева в живых, ибо его отряд существовал после штурма «Поднебесного зуба» (если вообще этот штурм не выдумка) еще полтора года, когда Голикова уже и не было в Хакасии.

На самом же деле штурм «Поднебесного зуба» (если он был, а на сомнение наводит то, что ни в одном «чоновском» документе он не упоминается), кончился для Голикова ничем. Капкан щелкнул впустую. Постреляли с обеих сторон, и отряд Соловьева, не будучи окруженным, ушел дальше в тайгу.

Между тем в «чоновский» центр в Красноярске пошли на Голикова бесчисленные жалобы на его кровавые действия. Жалоб этих было так много и они были так доказательны и настойчивы, что красноярские власти решили вызвать восемнадцатилетнего комбата с «тамбовским опытом» и во всем разобраться. Телеграммы три или четыре Голиков оставил без ответа. Наверное, ему казалось странным, что его действия представителями советской власти могут оцениваться как предосудительные. Однако в конце концов он вынужден был подчиниться и явился в Красноярск.

Нет стенограмм разбирательства этого дела, но есть заключение по делу № 274. В этом заключении командующий ЧОН губернии В. Какоулин написал: «Мое впечатление: Голиков по идеологии неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь своим служебным положением, целый ряд преступлений».

Были, оказывается, проверочные комиссии. Так вот, председатель одной из проверочных комиссий, а именно т. Виттенберг, потребовал для Голикова суда и высшей меры наказания, то есть расстрела.

Биографы Голикова утверждают, что суд не состоялся. Научный сотрудник Института Истории Хакасии Сергей Михайлович Тодышев уверял меня, что суд был и что Голикова приговорили к расстрелу, но что Тухачевский (поделец Голикова по тамбовским кровопролитиям), находясь с то время на высоте государственного положения, спас своего бывшего подчиненного, отозвав его из Красноярска в Москву «для лечения». И то и другое правдоподобно, ибо к этому времени всем стало ясно, что Голикова нужно лечить. Что он не просто убийца (все чоновцы – убийцы), но что он убийца – псих, что он убийца – маньяк.

Воспоминания Бориса Германовича Закса (приведенные нами выше) о последующих годах жизни Голикова, ставшего с 1926 года уже Гайдаром, подтверждают это предположение. Но все-таки, сколько нужно было натворить, чтобы содрогнулось даже губернское

Чоновское начальство! Несомненно, сыграло роль и следующее немаловажное обстоятельство. В Тамбовской губернии истребляли русских мужиков (женщин, детей), но вокруг жили тоже русские люди, и истребители тоже считались – русские. В Хакасии же действия Голикова были направлены главным образом на «инородцев», на нацменьшинство. Тем самым эти действия как бы забивали клин между хакасами и русскими, ибо советская власть (сколько бы ни кричали об интернационализме) воспринималась всюду в стране, как власть русская. До сих пор еще талдычат на Западе: «Русские танки в Афганистане», «русские танки на улицах Будапешта», «Козырев – русский министр иностранных дел»... Тогда не исключено, что Голикова надо было наказать, дабы успокоить возмущение нацменьшинства (но тем не менее коренного населения Хакасии). Тогда не исключено, что для этого успокоения вынесли Голикову суровый приговор, а потом вместо расстрела тихонько отправили его на лечение в Москву. Чоновец чоновцу глаз не выклюет. Но из партии его все-таки исключили. А это по тем временам – не мало. И ни за что, за какие-нибудь мелочи едва ли вынесли бы такое решение. Хотя биографы и утверждают, что он ни разу с просьбой восстановить его в партии не обращался, что со стороны Голикова благо-разумно, ибо при новом разбирательстве дела опять всплыли бы его «деяния» в Хакасии, но существует

фольклор, что все-таки Голиков писал в ЦК с просьбой о реабилитации, на что Иосиф Виссарионович с присущим ему лаконизмом и ставя последнюю точку на «деле» сказал: «Мы-то его может быть и простили бы. Но простят ли его хакасы». А потом десятки разных школ, пионерских отрядов, пионерских лагерей, кинотеатров, улиц, домов культуры называли именем Аркадия Гайдара, да так и зовут до сих пор.

Иван Николаевич Соловьев не бегал бегом (хотя бы и от Голикова), он ездил верхом на коне темно-золотой масти, которого купил за пять золотых царских рублей у одного своего станичника. Но активность его отряда начала затухать вовсе не по вине молодого комбата Голикова.

Вся эта история с поисками соловьевского отряда смешна и наивна. Соловьев особенно и не прятался. На той самой горе среди тайги, каменный пик которой прозывался «Поднебесным зубом», и вовсе не на камнях, а на нормальной травянистой земле были построены в нужном количестве избы, амбары, бараки, в которых жили члены отряда и многие семьи. Земляки Соловьева и жители других деревень и улусов знали, где располагается отряд, но чоновцы не лезли в глубь тайги, понимая, что уничтожить отряд все равно не удастся, а если и удалось бы, то только во много раз превосходящими силами. Чоновцы ограничивали деятельность отряда в тех случаях, если отдельные груп-

пы соловьевцев выходили для действия из тайги в подтаежные деревни. Тут могли быть и стычки. Но группы Соловьева выходили всегда внезапно, всегда в таких местах, где чоновцев было мало либо не было совсем. Уже говорилось, что разведка Соловьева под руководством Астанаева работала безупречно. Но дело в том, что активность отряда к началу 1924 года стала затухать сама собой. Тому было несколько причин. Во-первых, чоновцы стали посылать против Соловьева отряды, в которых было много соловьевских одностаничников. Своих односельчан Иван Николаевич убивать не мог. Однако чтобы понять главную причину «сворачивания» его борьбы, надо подумать над тем, какова была первоначальная или, скажем, основная цель Ивана Николаевича. Да, у него было полное неприятие советской власти. У его единомышленников в отряде — тоже. Да, он не мог равнодушно смотреть, как продотряды, осуществляя продразверстку, беспардонно грабят крестьян, отбирая у них хлеб, скот, шерсть, кожи, овчины, пеньку, валенки... все, что окажется под рукой. Он по мере возможности мешал этому грабежу. Он создал у себя в отряде в недоступной горной тайге микро-Россию, чтобы не дышать бескислородным воздухом советской действительности с портретами вождей, с первомайскими речами и шествиями, с леденящим душу большевистским климатом. Конечно, там в тайге у него была тоже неполноценная Россия. Она была

без привольных пастбищ, без обильных урожаев, без шумных ярмарок, без ярких престольных праздников, без сенокосов, без девичьих посиделок, без хороводов, без казачьих плясок, без мирной – короче говоря – российской жизни. Но все же это была микро-Россия, хранящая в своей изолированности остатки, оттенки когда-то всеобщего климата великой Империи. Не думаю, чтобы он надеялся на расширение своего движения, на то, что оно охватит всю Енисейскую губернию, а тем более всю Сибирь, а тем более всю Россию. Конечно, 25 процентов населения Минусинской котловины будет уничтожено через четыре года во время коллективизации. Конечно, еще 40-45 процентов мужского населения будет уничтожено в середине 30-х годов, конечно, если бы все эти люди, которые считали, что над ними пока «не каплет», если бы они, предвидя свою гибель в самом скором времени, примкнули к Соловьеву, движение его было бы более мощным, но во-первых, они не примкнули, ограничиваясь пассивным сочувствием Соловьеву. Все по тексту Виталия Васильевича Шульгина: «...пока режут одну группу, другая не пошевеливается, в полной уверенности, что до нее «не дойдет». А когда дойдет – уже поздно». Но я думаю, что если бы к Соловьеву примкнули тысячи и десятки тысяч, все равно ничего бы не вышло. Вокруг было уже огромное государство, основанное на чудовищном и беспрекословном насилии («подчинитесь или погиб-

нете!»). Если не вышло у Колчака с целой армией, если не вышло у Антонова с 200.000 восставших, если не вышло у Деникина и Врангеля, как же могло бы выйти у Соловьева с его Горно-Партизанским отрядом? На что же он уповал? Во-первых, он мог ни на что не уповать, но просто не хотел подчиниться и служить большевистскому режиму. «Что будет, то и будет, но на первомайскую демонстрацию, под красный флаг – не хочу!» Но вернее всего, он надеялся или даже верил, что не может быть, чтобы ничего не произошло, не изменилось в стране. Он надеялся, что новая власть, бесчеловечная власть насилия и террора рухнет. Он надеялся, что изменения произойдут в Москве, в центре, и тогда все вернется на добрые старые пути и он спокойно и свободно возвратится в свое Соленоозерное к мирному труду. Или придет русская армия из Китая... Или... что-нибудь да случится. Не может же быть вечным этот бесчеловечный людоедский режим. Но время шло, а ничего не менялось. К 1924 году стало ясно, что надеяться больше не на что. А тут еще подоспел нэп, обманный маневр большевиков, в который тем не менее многие поверили. Нэп действительно привнес оживление во все виды деятельности населения, его действительно можно было принять за шаг назад к прежней России. Не последнее дело, наверное, и то, что за четыре года можно было устать скитаться по тайге, все время настороже, все время в опасности, все вре-

мя рискуя, все время в нечеловеческих, в общем-то, «дискомфортных» условиях. Так или иначе, но Соловьев приостановил активные действия своего отряда и начал искать пути переговоров с властями. Тут можно обратиться к строкам из подлинных архивных документов того времени. Конечно, все они под грифом «секретно» и «совершенно секретно», но теперь раскочены.

«Разговор по прямому проводу Усть-Абаканск – Чебаки члена Уревкома Алмакаева с предупевкома Итыгиным (своеобразие грамматики и лексики по возможности сохраняем).

Итыгин: 31 марта я лично вел переговоры с бандитом Соловьевым. Он сдал часть оружия, дал подписку о ликвидации банды и что желает перейти к мирному труду. С ним было 4 бандита, все они заявили, что подчиняются советской власти... Соловьев (неразб)... остальных бандитов и с приходом их обещал сдать оружие, отказался от звания командира партизанского отряда и мы срезали бандитам погоны и нашивки, головные уборы. Расстались друзьями».

«ТЕЛЕГРАММА Красноярска.

Данными начтачотуба Томской 5 апреля боеотрядом ЧОН Кузнецкого уезда верховьях реки Средней Терси 90 верст севере– восточнее Кузнецка в двух бараках обнаружена стоянка банды Соловьева тчк. Результате гранатного боя захвачены дв.тчк. отец Соловьева, де-

вять женщин в том числе мать Соловьева, четверо детей тчк. Бараки продовольствия сожжены.

Начтачотуб ВОЛКОПЕЛОВ

(Словечко «начтачотуб», взятое из какого-то птичьего языка, я расшифровать не могу и оставляю его на совести того времени, как, впрочем, и гранатный бой с безоружными женщинами и детьми. – В. С.)

ПРОТОКОЛ N 4

Заседания Совета ЧОН Хакасского уезда.

(Надо сказать, что здесь какая-то путаница с датами протокола, хранящимся в архиве. Датирован 15 мая 1924 года, в то время как известна дата добровольной сдачи и смерти Ивана Николаевича Соловьева – 4 апреля 1924 года, тем не менее приводим текст протокола. – В. С.)

Присутствуют следующие т-т. Укомчон Хакасского тов. Заруднев, пред. Ревкома Хакасского Етыгин. от Укома Р.К.П. <б) Томилов, Уполномоченный ГПУ по Хакасскому уезду Пакап, ответственный секретарь Р.К.П. С. М. Игнатъев

Заседание открыто 15/ V 1924 г. в 9 часов утра.

Повестка дня:

1. Информационный доклад о положении боевого района и дальнейший план борьбы с бандитизмом.
2. Общее положение и устройство эскадрона.
3. Текущие дела.

Слушали: Укамчон Хакасского тов. Заруднев указал

на то, что прибыв в боевой (отряд) район, где пришлось вести переговоры с Соловьевым, начатые тов. Шинковым и подчеркнул, что никакого отношения к переговорам не имел, так как в командование не вступил, но пришлось это сделать по просьбе тов. Шинкова. Так же указал, что переговоры велись незаконно, с этой целью выдали временное сроком до 15 мая удостоверение, Соловьев сдал девять винтовок.

Дальше тов. Заруднев указывает, что дальнейшая ликвидация бандитизма возложена на него, указал, что получена телеграмма от Совчонгуба за №0053. Зачитывает телеграмму, в которой Совчонгуб обращается к гражданину Соловьеву перейти к мирному труду, так же указал, что телеграммой Комчонгуба истребительный отряд сокращен до 15 бойцов исходя из местных условий. Дальше зачитывает ответ Соловьева на телеграмму Совчонгуба. Тов. Заруднев указывает, что хотя Соловьев и считает, что он сдался, но все-таки он разъезжает на конях с оружием. Указывает, что истребительным отрядом никаких оперативных действий пока не ведется. Ответ Соловьева мною дан в губернию, то ответа пока еще не получено. Зачитывает протокол общего собрания граждан д. Озерной.

Слово т. Пакал: Тов. Пакал указал, что мною получена телеграмма от комбата 19.0.Н. Ачинского т. Шинкова, в которой говорится, что банда ликвидирована и дальнейшая ликвидация дела ГПУ. Дальше т. Па-

кал указывает, что в настоящее время Соловьев имеет симпатию от населения, так как все население видит, что Соловьева выдают за военного гения, указывает: что мы не должны считать, что банда ликвидирована, мы дошли до очень низкости, просим каких-то десять человек. Указал, что наше командование борясь против врагов сильных, но здесь пришли просить каких-то десять человек. Дальше отмечает, что Соловьев живет, ничего не думает, разъезжается где ему заблагорассудится. Заметил что дипломатия – это хорошо, но не нужно забывать, что Соловьев, как мы видим, еще не взят. Сдача девяти винтовок, это ему ничего не значит, полагаю, что у него оружия хватит. Высказывается, что необходимо принять меры по ликвидации для этой цели возложить на определенное лицо, так отметил, что оставление 15 бойцов боевой способности не представляют. Отметил, что держать отряд на местных средствах у населения невозможно. Отмечает, что Чихачев свободно разъезжает. Необходимо созвать отряд и ликвидировать Чихачева, дабы не получилось сепаративных выступления, каковые имели место в районе Аскыского Райока в конце марта и первых числах апреля.

Слово т. Игнатьева: Каковой указал на переговоры с Соловьевым. Указал, что из разговоров с бойцом коммунарком, каковой так же присутствовал на переговорах, я заключил, что Соловьев, идя на всякие улов-

ки, стараясь больше отстоять себе вооружение и тем обеспечить себе свободный разгул. Отметил то, что ведя переговоры с Соловьевым, мы здесь как уездные власти не были информированы, на каких условиях сдается Соловьев нам тоже неизвестно, не знали и того, что Соловьеву дали пять винтовок. Этим не гарантируется, что через месяц отряд Соловьева будет 25 бойцов. Указывает, что Соловьев считается, что сдался, но отряд Чихачева, каковой все время был у Соловьева, свободно разгуливает, и если во время не примутся меры, то пожалуй, банда снова разгуляется. Указывает, что необходимо раз навсегда покончить и договориться с губернией на этот счет и сказать свое веское слово и начать оперативные действия. Отметил, что мы допустили очень многое и дали этим завоевать симпатию от населения.

Слово тов. Етыгина: Который говорит, что мне уже два раза пришлось вести переговоры с Соловьевым. Первый раз я вел переговоры в 1921 г. В то время мною было достигнуто соглашение, но тут помешали воинские части, когда Соловьев послал мне письмо со своим партизаном и этого посыльного наши части перехватили и убили. Второй раз это в Чебаках, на этот счет я и вел определенную договоренность с Предгубисполкомом и секретарем Губкома, приехал на место, начал переговоры, но эти переговоры были сорваны Комчонгубом, так как последний по прямому проводу

сказал, взять Соловьева живым. Но, конечно, взять живым не пришлось, Соловьев бежал, но на другой день я получил сведения, что вышла вся банда, но уже было поздно, этим мы проиграли многое.

Тов. Егыгин вносит предложение распустить отряд и оставить лишь несколько и добавляет, что необходимо выделить пять человек коммунаров и послать на работу на рудник. Сарала с заданием доставить голову Соловьева.

Слово т. Томилова: Указывает, что все хорошо, но вот что плохо, что у нас кто хочет, тот и ведет переговоры. Во-первых мы направили Соловьева на правильное русло, и с другой стороны давали ему повод. Мы сегодня должны сказать, что губерния все время нам мешает. Дальше отмечает, что Соловьева крупной единицей считать нельзя, необходимо его изловить. Приводит пример: ведя переговоры с Соловьевым подготовить отряд и покончить с ним.

Тов. Етыгин: Указывает, что указанный пример уже был, но никаких результатов не достиг, ибо у Соловьева в распоряжении людей больше, он без охраны не остается.

Слово т. Пакал: Зачитывает телеграмму от комбата Шинкова следующего содержания: Банда Соловьева под давлением и после переговоров сдала девять винтовок, одну шашку и гранату, перешел к мирному положению, перешел в полном смысле в распоряже-

ние Совчонгуба. Я действия прекратил и оставил истреботоряд 20 штыков. Соловьев намерен устроиться в Кисельской волости. Взаимоотношения к населению Соловьев о дальнейшем усиляет агенсеть, учитывает переход на мирную жизнь. – Комбат 19 Шинков.

Слово т. Заруднева: Заключительное слово т. Зарудневу, который указал, что не так виновата губерния, как некоторые товарищи, как пример т. т. Сенокосов и Шинков, обещали ликвидировать банду в короткий срок, уезжают, не достигнув никаких результатов. Указывает на небоеспособность отряда Сенокосова продовольствием удовлетворены лишь на 20 суток. На приведенный пример т. Томилова говорит, что ведя переговоры одновременно действовать отрядом полагаю невозможно, ибо это очень трудно, ведя переговоры, Соловьев одновременно выставляет наблюдателя, который следит за движением отряда. Отметил, что никаких активных действий ни каким образом вести нельзя.

Постановили:

1. Считать банду Соловьева не ликвидированной.
2. Телеграмму комбата тов. Шинкова считать ложной, которая ввела командование губернии в заблуждение.

3. Дальнейшую ликвидацию поручить тов. Зарудневу, для чего поручить Уполномоченному ПТУ по хакасскому уезду совместно с Укомчоном разработать секретный план борьбы, отнюдь не допускать открытой

вооруженной борьбы.

4. Расформировать имеющийся истреботряд, а вновь сформировать в количестве 10 бойцов, из более боеспособных бойцов. На содержание вновь сформированного отряда, довольствия лошадей просить Ревком отпустить 50 рублей червонных...»

Когда я думаю, как был убит Иван Николаевич Соловьев, возникают ассоциации, сопоставления. Дело тут не в масштабе личности либо злодеяния, но в «почерке», в схеме, в «сюжетном ходе», как выразился Борис Камов в своей большой и обстоятельной статье о гибели Колчака. Статья была опубликована в газете «Совершенно секретно» (№8 за 1992 год). Вот отрывок из этой статьи.

«Под предлогом того, что в Иркутске обнаружены тайные склады оружия (что соответствовало действительности), а на улицах будто бы разбрасывают листовки с портретом Колчака (что выглядело мало правдоподобным), ревком принял постановление №27 от 6 февраля о расстреле верховного правителя и премьер-министра его правительства. Поздно вечером председатель ревкома вручил бумагу коменданту города для немедленного исполнения. Но ни комендант, ни ревком не знали, что на самом деле они исполняют тайный приговор, который единовластно вынесло верховному правителю России одно совершенно штатское лицо. Лицу было 49 лет. Оно имело юридиче-

ское образование, свободно изъяснялось на нескольких языках и о себе сообщало, что зарабатывает на пропитание журналистикой. Лицо носило костюм-тройку и имело привычку засовывать большие пальцы рук в проймы жилета, на манер провинциальных портных. Получив сообщение, что арестован адмирал Колчак, а также сведения, что Красная Армия со дня на день войдет в Иркутск, «журналист» в костюмной тройке направил (через т. Склянского. – В. С.) в Реввоенсовет 5 армии телеграмму: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска, пришлите строго официальную телеграмму, с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так (то есть казнили адмирала) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Беретесь ли сделать архинадежно?» Это был не только приказ, но и тщательно продуманный сценарий. Телеграмма раскрывала механизм тайных террористических операций Ленина. Долго считалось, например, что царская семья была расстреляна по инициативе и недомыслию руководителей Екатеринбургa. Если бы не сохранилась телеграмма Ленина в Иркутск, можно было бы то же самое думать о руководителях Иркутска. На самом деле здесь был использован уже апробированный «сюжетный ход»: приказ отдает Москва, а моральная ответственность за его противозаконность возла-

гается на «местные власти». В обоих случаях один и тот же почерк. Одной то же коварство замысла. Один и тот же страх моральной ответственности. Телеграмма Ленина свидетельствовала, что с первой минуты ареста адмирал был обречен на быструю и, вероятно, даже тайную смерть. Ленину долгий суд над Колчаком был не нужен».

Точно так же не нужен был советской власти и суд над Иваном Николаевичем Соловьевым. Как мы уже знаем, Соловьев пользовался симпатиями местного населения. Судить его открытым судом значило возбудить в людях все чувства доброжелательства, сочувствия, жалости, в конце концов, к отважному, блестящему русскому офицеру, командиру Горно-Партизанского отряда имени Великого Князя Михаила Александровича, а вместе с тем возбудить чувство осуждения, если не ненависти к новой власти и к новым порядкам. Кроме того, на суде ведь Соловьев будет говорить, а люди будут слушать и ведь неизвестно что, какую правду о новой власти будет говорить подсудимый и каково это будет слушать судьям. Хоть и ежься, а слушай, перебивай, а слушай, затыкай рот, а слушай. Уж лучше сразу заткнуть ему рот. Нет, положительно не нужен был советской власти суд над Иваном Николаевичем Соловьевым. Спектакль был разыгран по заранее подготовленному сценарию, и главным в этом спектакле были обман, коварство, жестокость и под-

лость. Масштаб другой, но точно так же, как в случае с царской семьей свалили все на местные екатеринбургские власти, а в случае с Колчаком а местные иркутские власти, так и тут надо было найти на кого свалить. Разыграно было так. По предварительной договоренности, Иван Николаевич должен был встретиться один на один с начальником Красноярского ЧОНа Зарудневым. Заруднев должен был передать Соловьеву документ на право мирной жизни и мирного хозяйствования на земле. И хотя Соловьев приехал в станицу в сопровождении своего заместителя Чихачева и своего адъютанта, но эти двое – по договоренности – остались в стороне, чтобы Соловьев мог встретиться с Зарудневым один на один. Заруднев был пешим, а Соловьев на своем коне золотой масти. Соловьев протянул руку Зарудневу, а тот, вместо рукопожатия, Соловьева с коня сдернул. Тотчас трое-четверо прятавшихся поблизости налетели на Соловьева, скрутили, связали его и отнесли в баню, где и положили на пол. Чихачев и адъютант почуяли неладное, но их немедленно застрелили. Дальше официальная версия такова. Часовой около бани, услышав выстрелы, испугался, что Соловьева освободят (а Соловьев к этому времени будто бы сумел развязаться), и часовой Соловьева застрелил. Но все это шито белыми нитками и не более (по-современному-молодежному говоря) чем пудренье мозгов и вешанье лапши на уши. Пуля вошла Соловьеву в че-

реп сбоку, чуть выше уха. Спрашивается, если бы Соловьев действительно развязался (а значит, и вскочил бы на ноги), куда бы попала пуля? В грудь, в живот, куда угодно, только не в череп сбоку, над ухом. Ясно, что часовой стрелял в связанного и лежащего на боку Соловьева. Ясно, что ему заранее было приказано Соловьева застрелить. Всех троих, то есть самого Соловьева, его заместителя Чихачева и его адъютанта, закопали около ограды сельского кладбища. Сельчане обходили могилу и даже успели поставить крест. Но через три дня приехали из Красноярска чоновцы и труп Соловьева увезли, якобы для опознания. Где они его закопали, никому неизвестно.

А я уже чисто лирически думаю: кто же стал ездить на коне Соловьева золотой масти? Как тут не вспомнить современный эстрадный шлягер:

Есаул, есаул, что ж ты предал коня,
пристрелить отказалась рука.
Есаул, есаул, что ж ты предал меня,
я чужого несущего ездока.

Итак, дата его смерти – 4 апреля 1924 года. А если бы кто из русских людей нашего поколения или в будущем захотел бы помянуть Ивана Николаевича, то день именин его мы не знаем, поскольку не знаем дня рождения. Ведь «Иоаннов» в году отмечается несколько:

Иоанн Златоуст, Иоанн Предтеча, Иоанн Лиственник...
Я бы предложил чтить Ивана Николаевича в день Ивана-Воина. Этот день Православная Церковь отмечает 12 августа по новому стилю (30 июля – по старому).

1992 г.